

ISSN 2221-3260

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 6 (30) 2015

www.theoreticaleconomy.info

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-42625 от 11 ноября 2010 г.

Учредитель журнала:

Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Первый заместитель главного редактора

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Вахрушев Д.С. (Москва, Россия)

Вахрушева Н.А. (Ярославль, Россия)

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Кальсин А.Е. (Ярославль, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Корняков В.И. (Ярославль, Россия)

Ответственный секретарь

Ананьев А.А. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-12-50

Сайт: www.theoreticaleconomy.info

Лемешенко П.С. (Минск, Беларусь)

Липов В.В. (Харьков, Украина)

Новиков А.И. (Иваново, Россия)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Туманов Д.В. (Ярославль, Россия)

Усик Н.И. (Санкт-Петербург, Россия)

Чекмарев В.В. (Кострома, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Содержание

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гордеев В.А. Завершаем пятилетку разработки теоретической экономики на страницах нашего электронного журнала 4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Альпидовская М.Л., Вахрушева Н.А., Корняков В.И. В чем могла бы состоять смена модели российской экономики 8

Субетто А.И. Глобальный империализм, экологический апокалипсис и стратегия выхода из экологического тупика 16

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Гордеев В.А., Кудратов И.К. Экономические проблемы двигателестроения в РФ и пути их решения 21

РЕЦЕНЗИИ

Водомеров Н.К. Рецензия на книгу «Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее» (продолжение) 27

Усик Н.И. Рецензия на книгу Гордеева В.А., Кладовой А.А. «Модификация конкуренции в РФ (на примере банковского сектора)» 42

Мелиховский В.М. Общее и особенное: рецензия на учебное пособие П.С. Лемещенко «Институциональная экономика: теория, политика, практика» 52

Усик Н.И. Рецензия на книгу Киселева А.А. «Современные проблемы управления и менеджмента в отечественной науке и практике» 57

Пефтиев В.И. Очерки профессора Ф.Н. Завьялова – своевременная и взвешенная оценка истории дореволюционной статистики в России 63

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО-ЭКОНОМИСТА

Чекмарев В.В. Юбилей – дело житейское! (к 70-летию профессора У.Ж. Алиева) 66

ЗАВЕРШАЕМ ПЯТИЛЕТКУ РАЗРАБОТКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ НА СТРАНИЦАХ НАШЕГО ЭЛЕКТРОННОГО ЖУРНАЛА

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление», действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Здравствуйтесь, уважаемый читатель!

Поздравляем Вас с завершением первой пятилетки разработки теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима на страницах нашего электронного журнала! Именно в качестве такого финиша-завершителя предстает предлагаемый Вашему вниманию очередной – шестой (тридцатый) – номер, который является последним в нашем с Вами пятилетнем общении. Что в этом номере?

Прежде всего, обращаем Ваше внимание, уважаемый читатель, на первую и главную рубрику – «Актуальные проблемы теоретической экономики». Здесь предлагается две работы.

Первую из них подготовили совместно три автора: Альпидовская Марина Леонидовна, Вахрушева Наталья Андреевна и Корняков Василий Иванович. Все трое – члены редколлегии нашего журнала. Доктор экономических наук М.Л. Альпидовская работает профессором кафедры «Экономическая теория» ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Москва, Российская Федерация). Кандидат экономических наук Вахрушева Н.А. – доцент кафедры «Экономика и управление» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация). Доктор экономических наук, профессор Корняков В.И. работает в Ярославском филиале Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина (г. Ярославль, Российская Федерация). Марина Леонидовна и Василий Иванович являются действительными членами Академии философии хозяйства. Совместная работа этого трио, открывающая рубрику, называется «В чем могла бы состоять смена модели российской экономики».

Указанная статья посвящена актуальной проблеме построения экономики снижающихся цен, опирающейся на могучие ресурсосозидающие эффекты вертикальных обратных связей общественного воспроизводства. В России ещё в советское время были прерваны ассимиляция роста производительности труда общественным воспроизводством, использование ресурсосозидающих эффектов его вертикальных обратных связей. Экономика во власти их негативных эффектов. Авторы считают, что переход к современной экономике снижающихся цен императивен.

Следующий материал в эту рубрику под названием «Глобальный империализм, экологический апокалипсис и стратегия выхода из экологического тупика» подготовил для Вас Субетто Александр Иванович – президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Петровской академии наук и искусств, доктор экономических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). Его статья посвящена остроактуальной проблеме экологического тупика, в котором оказалось современное человечество. Автор полемизирует с теми экспертами, которые видят причину этого тупика в гонке вооружений, особенно ядерных, и общей деградации людей. А.И. Субетто показывает, что это не причины, а следствия, главная же причина заключается в сложившемся глобальном империализме. Выход автор видит на путях ноосферного экологического социализма.

В рубрике «Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект» Вашему вниманию предлагается статья под названием «Экономические проблемы двигателестроения в РФ и пути их решения». Она написана мною в соавторстве с Кудратовым Иброгибжом Комилжоновичем, студентом автомеханического факультета ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация). Наша статья посвящена выявлению экономических проблем такой отрасли современного российского машиностроения, как двигателестроение. Определена её значимость в исторической перспективе развития государства, в реалиях настоящего времени. Указаны основные направления отечественного двигателестроения со своими исходными; аспекты (научные, технические, технологические, исторические, стратегические, экономические) развития определённого направления данной отрасли хозяйства, обусловившие разницу текущего состояния отдельных кластеров с участием рассматриваемой области экономики. Выявлены общие и специфические проблемы авиационного (гражданская и военная авиация), автомобильного, судостроительного, энергетического двигателестроения. В ходе изучения материала была проделана работа по поиску и анализу причин создавшейся ситуации, рассмотрены варианты подходов к решению задач по выходу на оптимальный уровень развития в текущей экономической ситуации.

В рубрике «Рецензии» в данном номере предлагается пять работ. Во-первых, продолжение рецензии на книгу «Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее» под ред. В.М. Гейца, В.Н. Тарасевича, которая представляет собой коллективную монографию, подготовленную учеными постсоветского пространства к 400-летию термина «политическая экономия» и предложенную участникам международной конференции в МГУ, посвященной 210-летию отечественного высшего экономического образования в России и кафедры политической экономии её первого университета. Начало этой рецензии было опубликовано в предыдущем номере 5 (29). Рецензию представил Водомеров Николай Кириллович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономика» ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация), член редколлегии журнала «Теоретическая экономика». Публикацией продолжения рецензии в данном номере мы не завершаем ознакомление Вас с данной работой, – окончание планируем опубликовать в следующем номере 1 (31), поскольку работа получилась достаточно объемная ввиду важности и объемности самого объекта рецензирования. На мой взгляд, как я уже отмечал ранее [1, с. 5], Н.К. Водомеров в своей рецензии оценивает работы коллег-ученых о политэкономии с позиции самой политической экономии, что, наверное, правомерно и с учетом тех дат-юбилеев, к которым писались их работы, и с позиции теоретической экономии, отдающей приоритет классической политэкономии в рамках полиметодологического подхода как исследующей эндотерическую сторону изучаемого экономического объекта.

Вторая работа данной рубрики имеет название «Рецензия на книгу Гордеева В.А., Кладовой А.А. «Модификация конкуренции в РФ (на примере банковского сектора)». Её представила Усик Нина Ивановна, доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента и Журнал «Теоретическая экономика» №6, 2015

аудита ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики», действительный член Академии философии хозяйства, академик Международной академии холода, член редколлегии журнала «Теоретическая экономика», (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). Объект рецензии Нины Ивановны – наша совместная книга с А.А. Кладовой, соискательницей ученой степени кандидата экономических наук, по материалам подготовленной ею к защите диссертации [2].

Затем в этой рубрике Вашему вниманию предлагается работа под названием «Общее и особенное: рецензия на учебное пособие П.С. Лемещенко «Институциональная экономика: теория, политика, практика». Её подготовил Мелиховский Виктор Михайлович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры информационных и сетевых технологий ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», г. Ярославль (Российская Федерация). А автор объекта рецензии – член редколлегии нашего журнала Петр Сергеевич Лемещенко, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь), столь много сделавший для становления нашего журнала за прошедшие пять лет, разработки на его страницах теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима. Надеемся, что у Вас, уважаемый читатель, вызовет интерес информация о новом обстоятельном учебном пособии Петра Сергеевича по институциональной экономике [3].

Следующий материал данной рубрики имеет название «Рецензия на книгу Киселева А.А. «Современные проблемы управления и менеджмента в отечественной науке и практике». Его представила Вам Усик Нина Ивановна, доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента и аудита ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики», действительный член Академии философии хозяйства, член редколлегии журнала «Теоретическая экономика», (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). А автор объекта её рецензии – заведующий кафедрой «Управление предприятием» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет» профессор Александр Александрович Киселев. На мой взгляд, он попытался в своей монографии [4] поставить «с головы на ноги» теорию менеджмента и управления в нашей стране с учетом, прежде всего, отечественных традиций в этой науке. Именно поэтому мы рассчитываем на Ваш интерес к информации о рецензируемой книге.

Завершает эту рубрику работа под названием «Очерки профессора Ф.Н. Завьялова – современная и взвешенная оценка истории дореволюционной статистики в России», которую написал Пефтиев Владимир Ильич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», (г. Ярославль, Российская Федерация). Объект его рецензии – новая книга [5] Фёдора Николаевича Завьялова, доктора экономических наук, профессора, профессора кафедры мировой экономики и статистики ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова».

В рубрике «Юбилей ученого-экономиста» мы представляем материал под названием «Юбилей – дело житейское! (к 70-летию профессора У.Ж. Алиева)». Его подготовил Чекмарев Василий Владимирович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика» ФГБОУ ВПО «Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова», Заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания (МГУ им. М.В. Ломоносова), зарубежный член Академии *metaepistemia universum*, член редколлегии журнала «Теоретическая экономика», (г. Кострома, Российская Федерация), а главное – друг юбиляра, тоже члена нашей редколлегии Урака Жолмурзаевича Алиева. Последнему принадлежат в нашем журнале самые фундаментальные

работы, заложившие методологические основы развития теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима. Нам представляется не случайным и глубоко символичным, что юбилей У.Ж. Алиева совпадает с пятилетним полуюбилеем нашего журнала. Присоединяемся к поздравлению В.В. Чекмарева и желаем доброго здоровья и новых творческих успехов в науке нашему другу Ураку Жолмурзаевичу Алиеву, доктору экономических наук, профессору, вице-президенту Образовательной корпорации «Туран» (г. Астана, Казахстан), президенту Академии *Metaepistemia universum*, действительному члену Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)!

Таково содержание очередного номера нашего журнала, предлагаемого Вашему вниманию.

В заключение позвольте от имени редакционной коллегии высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель! А мы, не переводя дыхания, приступаем к подготовке номеров второго пятилетия журнала, открывая ими новый этап в разработке и развитии теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима современной науки.

С уважением,

В.А. Гордеев

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеев В.А. Продолжаем разработку теоретической экономики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>
2. Гордеев В.А. Модификация конкуренции в РФ (на примере банковского сектора): Монография / В.А. Гордеев, А.А. Кладова. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2015. – 180 с.
3. Лемещенко П.С. Институциональная экономика: теория, политика, практика.: Учебное пособие / П.С. Лемещенко – Мн.: Мисанта, 2015. – 692 с.
4. Киселев А.А. Современные проблемы управления и менеджмента в отечественной науке и практике: Монография / А.А. Киселев – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2014. – 228 с.
5. Завьялов Ф.Н. Очерки по участию статистиков в социал-демократическом движении в России в конце XIX-начале XX веков /Ф.Н. Завьялов – Иваново: Научная мысль, 2015. – 196 с.

В ЧЕМ МОГЛА БЫ СОСТОЯТЬ СМЕНА МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Альпидовская Марина Леонидовна

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», кафедра «Экономическая теория», действительный член Академии философии хозяйства
г. Москва, Российская Федерация. E-mail: morskaya67@bk.ru

Вахрушева Наталья Андреевна

кандидат экономических наук, доцент. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: ashatan1985@mail.ru

Корняков Василий Иванович

доктор экономических наук, профессор. АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С.Пушкина», Ярославский филиал, действительный член Академии философии хозяйства
г. Ярославль, Российская Федерация). E-mail: vikorn1@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме построения экономики снижающихся цен, опирающейся на могучие ресурсосоздающие эффекты вертикальных обратных связей общественного воспроизводства. В России ещё в советское время были прерваны ассимиляция роста производительности труда общественным воспроизводством и использование ресурсосоздающих эффектов его вертикальных обратных связей. В настоящее время экономика находится во власти негативных эффектов. Авторы считают, что переход к современной экономике снижающихся цен императивен.

Ключевые слова: экономический рост; общественное воспроизводство; затраты; цена, конечный продукт; совокупный общественный продукт

Код УДК: 330.1

Annotation. Article is devoted to an actual problem: creation of the economy of decreasing prices relying on mighty resource-formative effects of vertical feedback of public reproduction. Assimilation of labour productivity growth with public reproduction as well as use of resource-formative effects have been interrupted in Russia during Soviet period. Thus economy is being in the power of negative effects. Authors position is that transition to modern economy of decreasing prices is imperative.

Keywords: economic growth; public reproduction; expenses; price; final product; gross national product

Ловушка низких темпов экономического роста нашей страны усугубилась кризисом. Правда, министр экономики А. Улюкаев 15 июля 2015 года обозначил, что дно кризиса пройдено, но ещё раньше он объяснил стране, что в ближайшие 15 лет рассчитывать на высокие темпы роста не приходится и нужно привыкать к этой реальности (до 2030 года принят самый консервативный из разрабатывавшихся сценариев с ежегодным приростом всего в 2,8% ВВП [13]). Комментируя этот сценарий, «Российская газета» писала: «На фоне оттока капитала накопившийся износ

инфраструктуры не позволит решить одну из главных проблем российской экономики – повысить производительности труда» [15]. Итак, впереди целая эпоха – 15 лет! – выживания без ресурсов для коренного изменения ситуации. Команда И.В. Сталина всего лишь за 10 лет при значительно меньших стартовых ресурсах в корне преобразовала экономику страны, сделав её способной не только противостоять германо-японскому фашизму, но и победить его. А тут настрой на пятнадцатилетнее прозябание. Поэтому в обществе укореняется убеждение в насущной необходимости, даже неизбежности смены общей экономической модели функционирования экономики, на основе которой стране предрекается такое будущее, – конечно, гибельное для неё. Ведь другие страны не будут равняться на наши 2,8 %, рванутся вперёд.

Можно десятками цитировать высказывания авторов, предлагающих, требующих сменить общую экономическую модель страны. Однако на естественный вопрос: чем же её заменить, в экономической литературе ответа до сих пор не находится. Тем не менее, мы полагаем, что такие ответы могут быть найдены, и предлагаем один из таковых. Существо наших предложений состоит в коренном изменении ситуации с ассимиляцией нашим общественным воспроизводством повышений производительности труда и в опоре на не используемые (и даже не известные) ныне естественные ресурс умножающие факторы общественного воспроизводства.

Соединить рост производительности труда с общественным воспроизводством. Мы исходим из того, что в экономике важнейшей, решающей объективной зависимостью является таковая между общественным воспроизводством конечной продукции и производительностью труда. Эта зависимость – всеобщая. Её исходная материальная основа – общественный технологический процесс производства, расставивший субъектов производства по «рабочим местам» в создании конечного общественного продукта – предметов личного и общественного непроектного потребления. На базе этой всеобщей упорядоченности общественного труда и производства складывается ещё более структурированная всеохватывающая связь между трудовыми функциями групп работников, образующая более сложно построенное, но равно единое всеобщее воспроизводственное движение увеличения воспроизводственных конечных результатов повышением производительности живого труда. Каждая экономическая система обладает тем или иным объективным оптимумом этой всеобщей связи, и задача науки – построить национальную модель функционирования общественного воспроизводства, как можно полнее отображающую этот оптимум. Однако развёрнутых исследований данных проблем в РФ пока не ведётся.

Сегодня Россия пытается решить острейшую проблему практического отсутствия в экономике современных рабочих, минуя выстраивание единой модели, редкими (совершенно недостаточными) точечными инвестициями, снабжёнными западными технологиями или ориентированными на них. Инвесторам сегодня обеспечивается такой же точечный льготный помогающий патронат государства. Но при этом, понятно, не возникает и не может возникнуть органического единства между таким возникновением нового производственного аппарата и общим воспроизводственным движением экономики. А это значит, что, казалось бы, самые современные производства могут оказаться вне единого развития экономики. И равно вне единого общеэкономического воспроизводственного движения к более высокой производительности труда – вся ныне ведущаяся по регионам охота властей всех уровней за инвесторами.

В российской экономике начисто отсутствует единое общее воспроизводственное движение, охватывающее всё общественное воспроизводство, главной движущей силой которого реально было бы повышение производительности труда. Более того: вот уже более полувека в стране рост производительности труда не только не инициирует каких-либо экономических процессов, – он вообще напрочь, наглухо оторван от общественного воспроизводства, не имеет какого-либо общехозяйственного общественного значения. И это трагическое для экономики, для общественного воспроизводства обстоятельство в стране не понимается. Поэтому на нём приходится специально остановиться.

Приходится констатировать, что у нас неправильно воспринимается, трактуется ценообразование. Установление и изменение цен понимается исключительно в аспектах экономической конъюнктуры, коммерческих успехов и неудач, денежных доходов предпринимателя, государства и покупателей, населения. Между тем цена в экономике играет много более значимую роль. В системах товарно-денежных отношений и само установление (с обязательной последующей её реализацией) цены, и отображение в цене повлиявших на неё процессов – решающая акция общественно-экономической состоятельности любого их события. Всё, что только ни происходит в указанных системах, становится их общественным фактом лишь тогда и постольку, когда и поскольку оно подтверждено, отображено функционирующей ценой.

Эту совершенно исключительную ролевую функцию цен в общественной экономической дееспособности потока событий капиталистического производства К. Маркс поименовал богословским термином «пресуществление», означающим превращение в таинстве Евхаристии обычных хлеба и вина в тело и кровь Христовы [2; 3]. Подобным же образом только «таинство» установления, реализации товарной цены, её оплата есть полное и окончательное общественное признание, утверждение данного товара среди действительных ценностей товарного мира. Одни только создание данного товара с использованием ресурсов, с производительностью работников и оборудования, наконец, само его физическое наличие совершенно недостаточны для его реального товарного бытия. Всё решает «пресуществление», – реализация цены, продажа. Если товар продан и на нём – печать реализации по такой-то цене, то его стоимость и потребительная стоимость общественно признаны, он как бы принят в товары вместе со всеми особенностями его производства, с производительностью создавшего его труда. Если не продан – и он сам, и все создавшие его обстоятельства, включая производительность труда, вроде бы никогда не существовали. И до сих пор мы в РФ в массе не понимаем, что, когда мы (в полном соответствии с установками курсов «Экономикс»), повысив выработку, снизив удельную трудоёмкость, получаем уменьшенную себестоимость, радуемся сверхприбыли, но продажную цену оставляем прежней или даже ещё и повышаем её, – мы как бы предаём достигнутое нами повышение выработки, производительности. Мы не дали ему войти в общественное воспроизводство, обрекаем на размывание.

В наше время предприятие уже не является тем основным структурным звеном экономики, которое прямо, непосредственно входит в общественное воспроизводство, «вливая» («сливая») в него свою воспроизводственную материю. Сегодня воспроизводственный поток выстраивается иначе. Прямо, непосредственно в него входит материя технологических цепочек обработки, образованных десятками (за рубежом – сотнями) заводов, совместно, поочередно изготавливающих те или иные узловые промежуточные или конечные изделия. А отдельные заводы в воспроизводственной материи цепочек участвуют не своими издержками непосредственно, а своими ценами. Издержки же остаются экономической территорией предприятия, которое выход в общественное воспроизводство имеет не через них, а лишь через общую реализационную (и реализованную) цену продукта всей цепочки, образованную вкладами цен отдельных заводов. Повышение производительности труда, отображённое лишь снижением издержек и не «пробившееся» к уменьшению соответствующей цены, остаётся на одной лишь экономической территории предприятия, не достигая процесса общественного воспроизводства. Оно обречено на скукоживание, выветривание.

Совершенно очевидно, что все последние десятилетия отечественная экономика функционировала, можно утверждать, противоестественно. Естественное функционирование: рост выработки с уменьшением удельной трудоёмкости – снижение удельных издержек – соответственное уменьшение отпускной цены – последующие воздействия на общественное воспроизводство. Здесь всё логично, одно следует из другого. Реальное (противоестественное) функционирование: рост выработки с уменьшением удельной трудоёмкости – снижение

удельных издержек – повышение (обычно с некоторым временным разрывом) отпускной цены – последующие воздействия на общественное воспроизводство. Здесь экономическая логика кричаще оборвана, прервана, вывернута. Общественному воспроизводству принудительно задаётся противоестественное (как будет показано далее – социально уродливое) развитие.

Становится понятнее, что речь идёт не просто о коррекции или даже замене воспроизводственной модели функционирования экономики. По-видимому, проблема – в исправлении допущенной когда-то тяжёлой ошибки в организации функционирования экономической системы. В неё были введены чуждые её природе действия, приведшие к её деградации.

Как и когда произошло разрушение ассимиляции роста производительности труда общественным воспроизводством? Ныне действующее функционирование экономики, при котором повышение выработки на предприятиях не «пробивается» к общественному воспроизводству и остаётся в пределах экономики самих предприятий, берёт своё начало с конца 1950-х годов. Нам представляется, оно конституировалось с момента прекращения действия сталинского основного оценочного показателя хозяйствования предприятий, каковым было абсолютное снижение себестоимости сравнимой продукции. Сталинский показатель был определяющим звеном естественного функционирования послевоенной экономики в последние годы жизнедеятельности генералиссимуса. В этом показателе уже неявно содержался обеспечивающий такое снижение рост производительности труда, – а как иначе можно было получить такое уменьшение затрат? Это естественное функционирование со стороны своей эффективности было самым успешным за все годы советской власти. Ежегодные приросты национального дохода и самой производительности труда составляли десять и более процентов. Ассимиляция роста производительности всем обществом давала сказочную отдачу. Всего-то за 2,5 года была восстановлена, казалось бы, непоправимо уничтоженная оккупантами экономика (вместо 70 лет, отводившихся западными экспертами). Создавались тысячи новых предприятий, бурно развивались наука и техника, образование, культура, развёртывался ракетно-ядерный шит, осуществлялись проекты, грандиозные даже с современной точки зрения. Всё это требовало ресурсов, ресурсов и ресурсов, и они рождались сталинской естественно функционирующей экономикой. Сам И.В. Сталин этого нигде не объяснил, хотя, конечно же, хорошо всё видел, понимал. Но этого нельзя сказать о его наследниках.

В 1958 году они под напором директората предприятий установили основным показателем хозяйствования предприятий снижение затрат на рубль товарной продукции. Почти сразу на предприятиях обнаружили, что новый показатель позволяет снижать затраты увеличивая их, повышая отпускные цены. Естественное функционирование экономики стало легендой, сменилось реальным, действовавшим в последние десятилетия существования СССР и перешедшим в РФ. До сих пор общественное воспроизводство остаётся экономически отрезанным от роста производительности, последнее не ассимилируется первым. Отсюда общеизвестные признаки деградации. Так, заостенели научно-технический прогресс, техника и технологии производства невоенных предприятий.

Но наследники Сталина, разумеется, не знали этого. Им казалось, что, прекратив снижения цен, они действуют в интересах страны, так как соответствующие бюджетные ассигнования могли использоваться для иных важных нужд. На самом же деле они закрыли, зацементировали поступление в экономику крупнейших ресурсов, в своё время помогавших И.В. Сталину восстанавливать страну.

Источник ресурсов естественно функционирующей экономики – эффекты вертикальных обратных связей общественного воспроизводства. Важность обратных связей общественного воспроизводства выяснена теорией и практикой межотраслевого баланса (МОБ). Эти выявленные

обратные связи можно назвать горизонтальными, ибо они функционируют, главным образом, в образовании годового совокупного общественного продукта (СОП). Однако не подлежит сомнению наличие и функционирование также и вертикальных обратных связей, действующих в диапазоне многих лет. Об этом свидетельствуют многие обстоятельства, особенно сама естественная конфигурация материальной субстанции общественного воспроизводства. О таковой можно судить по знаменитым схемам реализации СОП II тома «Капитала» К. Маркса. Центральной частью всего воспроизводственного движения является «кольцо Маркса» – «производство средств производства для средств производства», как бы вращающийся вихрь основной массы всей экономической материи. Это – природный маховик всего воспроизводственного движения, который по законам природы не может не воздействовать на его динамику в предстоящие годы. Как это происходит – легко убедиться, воспользовавшись теми же классическими числовыми схемами реализации СОП [4; 5; 6].

Естественная экономическая динамика состоит в росте производительности живого труда и его высвобождении из текущего производства. Именно таким путём продвигается экономический прогресс нашей цивилизации. Смоделируем этот процесс на простейших схемах реализации, сосредоточившись на «работе» маховика – I подразделения СОП. Предположим, что крупнейший рост производительности труда позволил сразу вывести из текущего производства половину обычно применяемого в I подразделении живого труда (равного $1000V+1000M=2000$). Поэтому в условиях уже повысившейся производительности труда годовая продукция I подразделения вместо обычных $4000+2000=6000$ будет $4000+1000=5000$. Стоимость снизилась (закон «пресуществления»), хотя в натурально-вещественном выражении (по терминологии К. Маркса, *in nature*) он будет таким же. Как обычно, $2/3$ этой продукции будет направлено по «кольцу Маркса» [1; 7; 8] на восстановление израсходованных средств производства. Но теперь это будет не $2/3 \cdot 6000=4000$, а $2/3 \cdot 5000=3333,3$. А в производстве они поглотят не 2000, а всего 1000 нового живого труда. Поэтому продукт следующего года будет не 5000, а 4333,3, то есть меньше ещё на 666,7. И опять $2/3$ этой величины пойдёт на восстановление израсходованных средств производства, их соединение с новым живым трудом создаст новый годичный продукт I подразделения, по стоимости вновь меньше прошлогоднего, и т.д. – маховик заработал, обратные связи функционируют.

Итак, экономия живого труда, «пресуществлённая» в масштабе общественного воспроизводства, обязательно, можно сказать, автоматически влечёт с собой экономию труда, овеществлённого в факторах производства [11; 12]. Стоимость никогда не выбывает в одиночестве, ибо она, как верная жена, никогда не одинока и всегда является полюсом всего товара, антиподом той или иной потребительной стоимости. Выбывание из текущего производства стоимости – знак выбывания соответствующей потребительной стоимости. И весь описанный процесс есть выведение части производственного аппарата общественного производства в резерв распорядителей этого производства, в резерв общества. Вот чего лишилась страна, отказавшись с 1958 года следовать правилу «пресуществления», снижать отпускные цены соответственно повышению производительности труда. Вот в чём состоял первый секрет ёмкости ресурсов сталинской экономики.

Каков же масштаб этого позитивного ресурсозидющего эффекта вертикальных обратных связей общественного воспроизводства? Он сказочно громаден. Он – как бы убывающая с ходом лет отдача одного «пресуществлённого» повышения производительности живого труда, сумма подсчитывается по формуле убывающей геометрической прогрессии. И эта сумма для ветви, вращающейся по «кольцу Маркса», образует 2000, а в отходящем от «кольца» потоке II подразделения – ещё 1000, итого (в пределе) – 3000. Это триста процентов к исходному инициировавшему процессу [9; 10]!

Текущая производственная экономика не знает таких фантастических цифр. Главной силой этого чуда является Природа, выстроившая структуру общественного воспроизводства с мощным

маховиком в её центре. Об этой цифре публицист прошлого Дж. Даннинг, процитированный К. Марксом, писал, что ради трёхсот процентов нет такого преступления, на которое не пошёл бы капитал даже под страхом виселицы [14; с. 770]. И, конечно же, вряд ли найдется разумный государственный деятель, который бы сознательно пренебрёг ею.

Возможно возражение: но это же сумма, поступающая по частям на протяжении многих лет, и экономически значащие массивы могут возникнуть лишь в первые годы. Поэтому значение эффекта не столь уж и велико. Однако не забудем, что рассматривался эффект лишь одного единичного годового повышения производительности живого труда. Повышение производительности в следующем году создаст новую геометрическую прогрессию годовых эффектов, в очередном – новую, и так далее. Все эти отдельно рождённые эффекты будут накладываться друг на друга, суммироваться, и в общественном воспроизводстве суммарные «подарочные» годовые эффекты должны быть близки к суммарной расчётной величине первого.

Экономические трансформации производительности труда по ходу её ассимиляции общественным воспроизводством. Но имеется и второй секрет ёмкости ресурсов сталинской экономики. Он состоит в том, что происходит с той же производительностью труда, когда она, успешно пройдя (уже в экономике снижающихся цен) «пресуществление», оказывалась внутри потока воспроизводственного движения. Этот её дальнейший экономический путь (как таковой он, по-видимому, ещё не исследовался нашими экономистами) методически удобнее представить стадиями. Мы полагаем, что производственная стадия роста выработки живого труда и снижения трудоёмкости, отфиксировавшись в уменьшении издержек и отпускных цен, сменяется стадией повышения структурной производительности. Здесь воспроизводственное движение продолжается, прежде всего, длинными технологическими цепочками обработки узловых промежуточных и конечных изделий. В них каждая «пресуществлённая» индивидуальная производительность труда уже в облике уменьшенной цены, а равно все вместе, «ползут» по своим цепочкам, сообщая полученные уменьшения всем их звеньям, ценам завершённого обработкой изделия, всему СОП, в том числе конечному продукту. При этом снижение цен в звеньях технологических цепочек – это экономия уже не живого, а овеществлённого труда. Она, естественно, оказывается (ввиду множественности звеньев обработки) кратно большей, чем исходная производственная экономия в цепочках-инициаторах. Здесь действуют специфические мультипликаторы, ещё не исследованные экономистами. Но удешевление СОП и конечного общественного продукта оказывается всё же не помноженным, а примерно равным экономии живого труда в непосредственном производстве при повышении выработки. И здесь начинаются уже воспроизводственные сдвиги – стадия изменения воспроизводственной производительности труда.

Очевидно, что изменения структурной производительности, продолжаясь как изменения производительности воспроизводственной, влекут перемены в соотношении между живым и овеществлённым трудом в масштабе всего общественного воспроизводства. Улучшается одна из важнейших воспроизводственных пропорций – соотношение между всем живым и всем овеществлённым трудом всего общественного воспроизводства. Тем самым происходят улучшающие сдвиги и во всей системе народнохозяйственных пропорций СОП и национального дохода. «Пресуществление» производительности труда с переходом к экономике снижающихся цен присоединяет к ним новые творящие силы, прежде всего стимулирующие обновление оборудования силы морального износа, ранее почти полностью выключенные повышениями цен. Формируются циклы оборотов основного капитала, осуществляющие замены оборудования.

Воспроизводственное движение производительности живого труда оказывается кругооборотом, в котором стадия повышения воспроизводственной производительности является подготовкой более высоких материальных условий для новых повышений производительности живого труда. Многолетнее функционирование сталинской экономики подтверждает, что

повышение производительности живого труда с её «пресуществлением» рождает в общественном воспроизводстве силы самообновления, самоукрепления способности экономики к новым таким повышениям, – специфический, никогда ещё не исследовавшийся кругооборот производительности.

Наконец, логично выяснить, чем же обогатили отечественную экономику наследники И.В. Сталина, уничтожив его экономику снижающихся цен.

Главные качества реального функционирования экономики, сообщённые ей после слома сталинской модели. Уничтожение (переходом от снижения к повышениям отпускных цен) мощных «подарочных природных эффектов вертикальных обратных связей не избавило экономику от воздействий самих этих связей. Напротив, повышающая цены или инфляционная экономика оказалась развёрнутой к противоположно направленным действиям этих же связей. И эти действия оказались по силе такими же, какими были бы при понижении производительности живого труда, то есть вбирании общественным воспроизводством того же СОП его, живого труда, дополнительных масс. Реально этот процесс в функционирующей экономике не существует, однако инфляционное народное хозяйство как бы имитирует его, совершенно объективно создавая его муляж в общественно признанных, хотя и уже неистинных (обесцененных) денежных единицах. И этот процесс продолжается с 1960-х годов до настоящего времени. Мы погружаемся в него всё глубже.

Действительно, инфляция может заставить посчитать 2000 нового живого труда (обращаемся к тем же самым схемам Маркса) в 3000 обесценившихся денежных единиц, – как если бы в то же самое производство было втянуто 1000 дополнительных единиц нового живого труда. И тогда маховик общественного производства «работает» уже не от роста производительности, не от своего облегчения, а наоборот, как если бы он был действительно утяжелён, наработывает каждый год на несчастную экономику дополнительные утяжеления (новые объективные лжепотребности в добавочных ресурсах) по тому же закону убывающей геометрической прогрессии. Цифры утяжелений для цифр схем реализации СОП К. Маркса будут такими же, и масштаб эффекта тот же – те же 300 процентов, но не добавочной экономии ресурсов, а добавочной лжепотребности в дополнительных ресурсах, которую – где же их взять? – придётся погашать печатным станком, запутываясь в инфляции, дополнительно рождаемой Природой как бы в отместку за то, что люди отвергли её щедрые дары. И «горшок варит кашу». «Варит» её почти шестьдесят лет. То есть, утратив помощь Природы, наш социум получил взамен объективный природный механизм непроизводительного иссушения, перемалывания воспроизводственных ресурсов, топящий общественное воспроизводство в лжепотребностях в новых ресурсах и заводящий его в безысходный тупик. Эти лжепотребности в добавочных ресурсах социально действительны, хотя воспроизводственно сущностно – ложны. Напряжение нарастает. Экономическая политика РФ барахтается впустую, без понимания существа дела. Это может обернуться подлинной трагедией страны. И от нашего социума сегодня всего-то и требуется, чтобы, наконец, увидеть ситуацию. Осознать, что наш императив – принципиально новая, современно выстроенная экономика снижающихся цен, опирающаяся на могучие ресурсосозидающие эффекты вертикальных обратных связей общественного воспроизводства. А возможностей, путей и средств переломить, коренным образом оздоровить ситуацию у общества, конечно же, предостаточно. Но это уже другая проблема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Н.А. Новая концепция исследования современной экономической системы / Н.А. Алексеева // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия, Экономика и экологический менеджмент. – 2015. – № 1. – С. 1–4.

2. Алексеева Н.А. Малый бизнес в системе общественного воспроизводства : автореф. дис. ... канд. эконом. наук : 08.00.01 / Н.А. Алексеева ; Ивановский государственный университет. – Иваново, 2012. – 25 с.
3. Алексеева Н.А. Совокупный общественный продукт как актуальная категория современной экономической науки / Н.А. Алексеева, Д.С. Вахрушев // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2013. – Т. 175. – С. 130–136.
4. Алексеева Н.А. Объемные структуры общественного воспроизводства / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. 2013. – № 4. – С. 372.
5. Алексеева Н.А. Объемные структуры общественного воспроизводства / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. – 2013. – № 1. – С. 13–20.
6. Алексеева Н.А. О классическом уровне теории общественного воспроизводства // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики : сб. науч. тр. / под ред. Б.Д.Бабаева. – Иваново, 2012. – Вып. 2 (18). – С. 7–19.
7. Алексеева Н.А. О тенденциях динамики органического строения капитала и производства // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики : сб. науч. тр. / под ред. Б.Д. Бабаева, Е.Е. Николаевой, Н.А. Амосовой. – Иваново, 2012. – Вып. 3 (19). – С. 12–25.
8. Алексеева Н.А. Экономическое содержание объемных структур общественного воспроизводства / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики : сб. науч. тр./ под ред. Б.Д.Бабаева. –Иваново, 2011. – Вып. 2 (18). – С. 8–17. Корняков В.И., Алексеева Н.А. Застраховаться от нео-неоиндустриализации / В.И. Корняков, Н.А. Алексеева // Философия хозяйства. 2013. № 2 (86). С. 121-126.
9. Корняков В.И. Застраховаться от нео-неоиндустриализации / В.И. Корняков, Н.А. Алексеева // Философия хозяйства. – 2013. – № 2 (86). – С. 121–126.
10. Корняков В.И. Патогенный воспроизводственный реактор затратности-безресурсности российской экономики / В.И. Корняков, Н.А. Алексеева // Философия хозяйства. – 2014. – № 4 (94). – С. 119–126.
11. Корняков В.И. Производительность живого труда, структурная и воспроизводственная производительность в современной страновой экономике / В.И. Корняков, Н.А. Алексеева // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия, Экономика и экологический менеджмент. – 2013. – № 1. – С. 25–29.
12. Корняков В.И. Экономическое содержание объемных структур общественного воспроизводства / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2013. – Т. 175. – С. 381.
13. Новопрудский С. Живем как на вулкане [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.banki.ru/news/daytheme/?id=7451869>
14. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 23. – 907 с.
15. Миронов В. Доходы вырастут, но вдвое меньше [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/11/07/zarplata-site.html>

ГЛОБАЛЬНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ, ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АПОКАЛИПСИС И СТРАТЕГИЯ ВЫХОДА ИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУПИКА

Субетто Александр Иванович

доктор экономических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор. Смольный институт Российской академии образования, проректор, Ноосферная общественная академия наук, президент. Заслуженный деятель науки РФ, лауреат Премии Правительства РФ.

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: subal1937@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме экологического тупика, в котором оказалось современное человечество. Автор полемизирует с теми экспертами, которые видят причину этого тупика в гонке вооружений, особенно ядерных, и общей деградации людей. А.И. Субетто показывает, что это не причины, а следствия, главная же причина заключается в сложившемся глобальном империализме. Выход автор видит на путях ноосферного экологического социализма.

Ключевые слова: экологический тупик; гонка ядерных вооружений; общая деградация людей; глобальный империализм; ноосферный экологический социализм

Код УДК: 330.1

Annotation. Article considers an actual problem of the ecological deadlock of a modern mankind. Author polemicizes with those experts who see the reason in race of arms, especially nuclear, and the general degradation of people. A.I. Subetto shows that these factors are not the reasons, but consequences. The main reason though consists in the existing global imperialism. The author sees an exit in the noospherical ecological socialism.

Keywords: ecological deadlock; race of nuclear weapons; general degradation of people; global imperialism; noospherical ecological socialism

Тревога по поводу будущего в судьбе человечества, вызванная экологическим кризисом мирового масштаба, который (по оценке автора, к которой он пришел 25 лет назад) уже перешел в первую фазу Глобальной экологической катастрофы, становится в определенных кругах научной и культурной интеллигенции достаточно распространенной. Всемирный философский форум предложил недавно для обсуждения широкий интеллектуальной общественностью документ под названием «*Всеобщая социализация человечества через единообразное гражданское образование*», в котором, с одной стороны, фиксируется высокая вероятность глобальной катастрофы, а с другой стороны – деградация среднего человеческого менталитета, которую авторы документа считают основной причиной наблюдаемого глобального ухудшения. При этом напоминается, что ученые-атомщики, среди которых 19 лауреатов Нобелевской премии, настаивают, что Земля сейчас ближе к антропогенному Судному дню (концу света), чем это было в течение более чем 30 лет из-за

глобального потепления и ядерного оружия. По их мнению, вероятность глобальной катастрофы очень высока, и действия, необходимые для снижения риска бедствий, должны быть приняты как можно скорее. Сегодня неконтролируемые изменения климата и гонка ядерных вооружений, осуществляемая в целях модернизации огромных арсеналов оружия, представляет собой чрезвычайные и неоспоримые угрозы дальнейшему существованию человечества».

Итак, тревога высказана. Она, как «степной пожар», быстро распространяется среди мыслящих людей, в том числе и среди такой мыслящей «элиты», каковой являются философы и ученые мира. *А вот правильная диагностика происходящего, по-моему, или «замалчивается», или же по тем или иным причинам не ставится.*

Можно ли считать невежество масс людей, живущих на разных материках планеты, главной причиной соскальзывания человечества в пропасть экологической катастрофы и соответственно экологической гибели, как то утверждают и авторы документа «Всеобщая социализация человечества через единообразное гражданское образование»? – По моей оценке, нет.

Главная причина – в системе Глобального империализма на базе строя мировой финансовой капиталократии, ядром которой является империализм США и Великобритании, т.е. англо-американского мира.

В «Манифесте ноосферного социализма», опубликованном в России в 2011 году, я прямо указал, что *капитализм, в последней фазе своего развития – в фазе глобального империализма, превратился в экологического могильщика человечества* [1, с. 20–27]. В монографии «Западня глобализации» немецкие мыслители Г.-П. Мартин и Х. Шуманн показали, со ссылкой на высказывание нью-йоркского банкира Ф. Рохатина, что «смертельный потенциал, заложенный в сочетании новых финансовых методов торговли, может способствовать началу разрушительной цепной реакции. Сегодня мировые финансовые рынки опаснее для стабильности, нежели атомное оружие» [2, с. 83].

Сложившийся строй мировой финансовой капиталократии, с подчиненными ему «пирамидами» банковского капитала, транснациональных компаний (ТНК) и рынка, экологически слеп, исповедует социал-дарвинизм и мальтузианство, превратился в антиэкологическую систему глобального империализма [3], изготовившегося, под давлением мирового финансового кризиса, к развязыванию III «горячей» мировой войны (с целью спасения доллара и установления контроля над мировыми ресурсами).

Г.А. Зюганов в недавней статье «Новое оружие глобалистов» показывает, что «глобалисты», в его терминологии, т.е. мировая финансовая капиталократия, стоящая во главе системы глобального империализма, «нацеливается на то, чтобы их мировое господство стало абсолютным и безоговорочным» [4]. За этим, пишет Г.А. Зюганов, стоит стремление США, т.е. глобального империализма, «переделать мир под собственные о нем представления» [там же]. Он бьет тревогу, что «соглашения» под названием «Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство между США и Евросоюзом» (ТТИП) и «Транстихоокеанское партнерство» (в число участников которого США пытаются включить Канаду, Японию, Чили, Мексику, Малайзию, Перу) фактически превращаются в механизмы империалистической колониальной политики, призванной поставить весь мир под свой контроль. Уже эти «соглашения» позволят США контролировать 2/3 ВВП [там же].

На уровне «интеллекта» на вершине пирамиды мировой капиталократии складывается особая классово-расистская ментальность, на порядок более страшная по отношению к решению глобальных экологических проблем, чем просто невежество широких масс, которое, кстати, специально порождается диктатурой власти Капитала-Фетиша, которого можно уподобить «власти Капитала-сатаны». Известный современный российский историк А. Фурсов, уже давно занимающийся исторической логикой генезиса современного западного капиталистического общества, пишет о феномене «аутофобии», как «идейно-поведенческом комплексе тех групп,

которые стремятся к таким формам эксплуатации населения, которые сформированы Западом-Капиталом» [5].

Президент Франции Франсуа Миттеран в 1995 году, на Всемирном форуме в Копенгагене, сформулировал Вопросание и к самому себе, и к мыслящей части человечества: «Я задаю себе вопрос, сумеем ли мы предотвратить превращение мира во всеохватывающий рынок, где господствует закон сильного, где главной целью является получение максимальной прибыли в кратчайшие сроки, где спекуляции за несколько часов сводят на нет плоды труда миллионов людей? Я спрашиваю себя – не отдаем ли мы будущие поколения игре этих слепых сил? Сумеем ли мы создать международный порядок, основанный на прогрессе и прежде всего на социальном прогрессе?» [6, с. 10]. Это вопрошание Миттерана отражало обеспокоенность судьбой будущих поколений людей, которых может лишит благополучия всеохватный мировой рынок с законом господства «сильного», т.е. того, у кого сосредоточен, общественный по своему происхождению, капитал, т.е. капиталоκραтии. И в это же время, чуть раньше, в 1991 году был написан по заказу Мирового банка доклад под руководством известных экономистов-экологов Гудленда, Дейли и Эль Серафи, который вынес своеобразный вердикт: в экологически насыщенной нише, которую занимает человечество, рынок как механизм развития, а я добавлю, следовательно, и капитализм, – исчерпал себя.

По этому поводу я писал в «Манифесте ноосферного социализма»: «Признание Ф. Рохатина и коррелированное с ним вопрошание Ф. Миттерана в рамках системы глобального капитализма – мирового империализма, в ядре которой прячется мировая финансовая капиталокраτία, своеобразный управляющий Глобальный Капитал-Мегамашиной, не имеют ответа. Слепая энергия стихийно-разрушительных сил, накопленная внутри пирамид капиталократии и рынков, а также стоящей за ним Глобальной Капитал-Мегамашиной, уже выходит из-под контроля, вырываясь на свободу, формируя с 2008 года глобальный финансовый кризис, переходящий в эпоху краха капитализма, либерализма и рынка, которая на фоне первой фазы Глобальной экологической катастрофы, грозит стать ускорителем экологической гибели человечества, если оно через ноосферно-социалистическую революцию не перейдет на ноосферную парадигму своей истории» [1, с. 25].

Иными словами, проблема не в потеплении климата, не в накоплении ядерного оружия, которые грозят будущими бедами человечеству, и даже не в деградации менталитета человечества и его «элиты», – это все не причины, а следствия, отражающие главную причину возможной экологической гибели человечества в XXI веке, кроющуюся в антиэкологической – антиноосферной сущности капитализма, строя мировой финансовой капиталократии, системы глобального империализма как таковых.

Путь экологического спасения человечества в XXI веке пролегает через строй Ноосферного Экологического Духовного Социализма, который обеспечивает становление научно-образовательного общества и единственную модель устойчивого развития – управляемую социоприродную эволюцию на базе общественного интеллекта.

Обоснованию этого положения, теоретическим основам ноосферного социализма и логике перехода к ноосферной парадигме новой истории, как истории на базе доминирования закона кооперации, планетарной кооперации народов этносов, мира без войн, эксплуатации и насилия, как мира Ноосферно-Космической Гармонии, я посвятил целый цикл монографий и 13 томов своих «Сочинений».

Здесь же нужно задать вопрос: «Возможно ли создание «гражданского образования в соответствии с глобальной эрой», если не затрагивается принципиальный вопрос – вопрос абсолютного отрицания Её Величеством Природой рыночно-капиталистической системы бытия с

ее институтом частной собственности на средства производства, с эксплуатацией человека человеком, которая неминуемо порождает антиэкологическую форму природоистребления, с делением на капиталократию и трудящихся, на работодателей и наемный труд, порождающим отчуждение человека – вначале от плодов своего труда, затем от себя самого и, в конце концов – от Природы, оборачивающееся его экологической гибелью?» – Нет, невозможно.

В «Манифесте борьбы против глобального империализма» (2004) я указывал на тотальность глобального империализма, который любые системы жизнеобеспечения и социальные институты превращает в инструменты своего господства над ресурсами мира и ментальностью людей. Он породил духовно-информационные войны, в которых и культуры, и образование становятся «полем» империалистической агрессии [7]. На «американский культурный империализм» указывал в 90-х годах XX века министр культуры Франции Жак Лан. «Соединенные Штаты как «сверхдержава массовой культуры» (Лан) будут не только решать, каким быть зрелищам, но и выдавать хлеб» [2]. Наряду с «культурным империализмом» существует «образовательный империализм», направленный на «образовательную колонизацию» той или иной страны. Я писал в этом «Манифесте»: «Образовательный империализм» есть стратегия подчинения сознания колонизируемых народов власти мировой финансовой капиталократии через трансформацию образования в «колониальное образование», через снижение уровня образования, поддержание невежества населения стран «периферии» метрополии глобального империализма, более того – постоянное воспроизводство этого невежества. Один из инструментов разрушения образования, в странах подвергающихся образовательной колонизации, – подчинение политики в области образования рыночному фундаментализму» [7, с. 22]. Именно об этом недавно говорила кандидат исторических наук Ольга Четверикова в своем интервью корреспонденту газеты «Завтра» Дмитрию Перетолчину под названием «Образование наизнанку» [8]. В заключении она подчеркнула: «... нынешняя система образования ведет к тотальному размыванию наших традиционных ценностей... Применение новейших «продвинутых» образовательных и психологических концепций и методик имеет разрушительные последствия. Они изначально были направлены на дерационализацию сознания, поощрение мировоззренческого и нравственного релятивизма...» [8].

Поэтому само суждение «гражданское образование в соответствии с глобальной эрой» уже рождает вопрос: «А не скрывается ли за этим понятием глобальный образовательный империализм, направленный на управление ментальностью человечества в интересах своего господства над миром?».

Прежде чем говорить о «глобальном гражданстве», необходимо установить на Земле мировое общество глобальной и социальной справедливости, т.е. ноосферно-социалистический строй на Земле, делающий равными между собой всех людей и все народы.

Да, еще Н.Н. Моисеев говорил, что путь в «Эпоху Ноосферы» лежит через «Систему учитель». Человечество нуждается в системе ноосферного образования, в осуществлении ноосферно-ориентированного синтеза всех наук. И это происходит. Путь человечества к прогрессу лежит через борьбу за ноосферный социализм, которая смыкается с его борьбой за свое экологическое выживание.

По моим оценкам, Человеческий Разум появляется на Земле не случайно, а закономерно, как один из результатов проявления действия метазакона «оразумления» всего Космоса в процессе его прогрессивной эволюции. Появляется как Разум Биосферы. XXI век – это Роды Действительного, Ноосферного, а значит – и Биосферного, Разума Человечества! И как любые Роды, они смертельны: в них кроется и опасность «выкидыша мертворожденного».

Ноосферный Прорыв, в том числе через установления ноосферного научно-образовательного общества, вот в чем нуждается человечество, что диктует ему Большая Логика Социоприродной Эволюции на Земле!

ЛИТЕРАТУРА

1. Субетто А.И. Манифест ноосферного социализма/ А.И.Субетто [Текст]. – СПб. – Кострома: Астерион, КГУ им. Н.А.Некрасова, 2011. – 108с.
2. Мартин, Г.-П. Западня глобализации. Атака на процветание и демократию/ Г.-П.Мартин, Х.Шуманн [Текст]. – М.: Изд. дом «Альпина», 2001.
3. Субетто, А.И. Капиталократия и глобальный империализм/ А.И. Субетто [Текст]. – СПб.: Астерион, 2009. – 572с.
4. Зюганов Г.А. Новое оружие глобалистов / Г.А. Зюганов // Советская Россия. – 2015. – 18 июня (№ 63). – С. 1, 2.
5. Светочи мрака. Феномен предательства глазами избороцев // Завтра. – 2015. – № 26 (1127). – С. 1, 3.
6. Новая парадигма развития России : (комплекс. исслед. пробл. устойчивого развития) : энцикл. монография / [Л. И. Абалкин, В. В. Аксенов, Ю. П. Алтухов] ; под ред. В.А. Коптюга [и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т машиноведения им. А.А. Благонравова [и др.]. – М. : Academia : МГУК, 1999. – 459, [12], VI с.ил., портр.
7. Субетто, А.И. Манифест борьбы против глобального империализма. Изд. второе/ А.И.Субетто [Текст]. – СПб.: Изд-во КГУ им. Н.А.Некрасова, 2008. – 38с.
8. Четверикова О. «Образование наизнанку» : [корреспондент газеты «Завтра» беседует с кандидатом исторических наук Ольгой Четвериковой] / О. Четверикова // Завтра. – 2015. – № 26 (1127). – С. 5.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДВИГАТЕЛЕСТРОЕНИЯ В РФ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление», действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Кудратов Иброгибжон Комилжонович

студент. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», автомеханический факультет
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: ice_zero@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению экономических проблем такой отрасли современного российского машиностроения, как двигателестроение. Определена её значимость в исторической перспективе развития государства, в реалиях настоящего времени. Указаны основные направления отечественного двигателестроения. Выявлены проблемы авиационного, автомобильного, судостроительного, энергетического двигателестроения. Рассмотрены варианты подходов к решению задач по выходу на оптимальный уровень развития в текущей экономической ситуации.

Ключевые слова: двигателестроение; машиностроение; экономическое развитие; конструкция двигателя; технологичность производства; государственные программы поддержки; протекционизм; реструктуризация; системный анализ

Код УДК: 338.4

Annotation. Present article is devoted to identification of economic problems of such branch of modern Russian mechanical engineering as engine-building. The author defines its importance in historical prospect of development of the state in realities of the present. The main directions of domestic engine-building are specified. Problems of aviation, automobile, ship-building, power engine-building are revealed. During studying of material work on search and the analysis of the reasons for the created situation was done, Different options of approaches to achieving an optimum level of development in the current economic situation are considered.

Keywords: engine-building; mechanical engineering; economic development; engine design; technological effectiveness of production; system analysis

Двигателестроение является значимой отраслью машиностроения, одним из его узловых, системообразующих элементов. В нем можно выделить несколько ключевых направлений: автомобильное, авиационное, ракетное, судостроительное, энергетическое, двигатели для тепловозов, двигатели для ВПК. На сегодняшний день отрасль представлена такими предприятиями, как АО «Объединённая двигателестроительная корпорация», «Группа ГАЗ», АО «НПО Энергомаш имени академика В.П. Глушко» и другими компаниями.

Отрасль «двигателестроение» необходимо рассматривать ещё и как вектор развития страны. Именно моторостроение, как фундаментальная часть автомобилестроения, послужило громадным толчком и вывело на индустриальные рельсы такие страны, как США, Японию, Францию, Англию, Германию и т.д. А ведь всё начиналось именно с паровых двигателей и тех социальных, исторических процессов, которые повлекли за собой массовое производство, значительную механизацию технологических процессов, интеграцию вследствие возможности преодолевать расстояния за значительно меньший промежуток времени. На сегодняшний день наша страна является крупным участником глобального, экономически интегрированного пространства. Это диктует свои условия по необходимости выдерживать жёсткую конкурентную борьбу в сфере создания двигателей различных типов с европейскими, американскими, азиатскими производителями [1, с. 3].

Производство двигателя – наукоёмкая и технологически сложная задача. Так, техническая подготовка производства включает в себя конструкторскую подготовку (разработка конструкции, создание сборочных чертежей, сборки узлов, деталей, оформление конструкторской документации для внедрения на производстве); технологическую подготовку (основная задача – обеспечение технологической готовности предприятия. Кроме того, необходимо обеспечить технологичность конструкции, разработку технологических процессов, проектирование и создание оснастки, подготовку автоматизированных систем управления технологическим процессом [1, с. 9].

Трудоёмкой частью технической подготовки производства является технологическое проектирование. Процентное соотношение его по времени к общей трудоёмкости технической подготовки составляет: 30–40% (мелкосерийное производство), 40–50% (серийное производство), 50–60% (массовое производство). Причём, эта трудоёмкость заметно превосходит время, затрачиваемое на конструирование машин [1, с. 9].

Основу разработки технологических процессов создания двигателя составляют 2 принципа: технический и экономический. В соответствии с первым, проектируемый технологический процесс должен полностью обеспечить выполнение всех требований рабочего чертежа и технических условий на изготовление заданного варианта конструкции. В соответствии со вторым принципом, процесс изготовления должен вестись с минимальными затратами труда и издержками производства. Исходя из этих условий, выбирают наиболее эффективный и рентабельный вариант [1, с. 10].

Рассмотрим наиболее общие задачи, характерные для отрасли двигателестроения в текущем периоде. К ним относятся: необходимость обеспечения надёжности двигателей, энергетических установок и их систем; анализ перспектив развития и применения двигателей, совершенствование их конструкция и прочности, снижение трения и изнашивания узлов и т.д. [1, с 12–16; 2, с 9–17; 3, с. 2–20].

Проведем оценку работу, которая ведётся в настоящее время в различных подотраслях моторостроения. Начнём с авиационного двигателестроения (военного и гражданского). Прошло более ста лет с момента зарождения авиации. За это время авиация и авиадвигателестроение стали сосредоточением наивысших достижений человечества в науке, технике и производстве. Прогресс авиации определяется в первую очередь достижениями в двигателестроении. Конструкторы авиационных двигателей должны решать проблемы сочетания экономичности и надёжности, экологических ограничений, повышения КПД, рабочих температур газа перед турбиной, параметров газодинамического совершенства рабочих процессов в компрессорах и турбинах, степени объёмной теплонапряжённости, эффективности систем охлаждения. Успех двигателестроения базируется на передовых достижениях технологии, материаловедения, физики, химии, а также на комплексной организации всех стадий научно-технических разработок, проектирования, производства, эксплуатации [4; 5].

Неотъемлемой частью создания двигателя являются его испытания. Особое внимание уделяется испытаниям с имитацией высотно-скоростных условий полёта на уникальных стендах Научно-исследовательского центра ФГУП «Центральный институт авиационного моторостроения им. П.И. Баранова».

Это крупнейший в Европе центр с уникальным оборудованием, на котором проводятся испытания в области высот от 0 до 27 км. В настоящее время специалистами института разработан ряд прогрессивных технологий сертификационных испытаний, а также создана концепция перспективных авиационных двухконтурных двигателей сложного термодинамического [4; 6]. Ведутся работы по созданию двигателей для самолётов и вертолётов гражданской авиации нового поколения. Институт имеет сложившиеся отношения с мировыми научно-исследовательскими центрами, эффективно взаимодействует с партнёрами из СНГ, организует международные конференции и семинары.

Развитие научных центров в области двигателестроения подталкивает необходимость дальнейшего развития отечественной гражданской и военной авиации. Авиационный парк гражданской авиации РФ динамично развивался последние 10 лет и продолжает расти. Этому способствовали государственные программы развития, субсидирования, наличие перспективных идей, интерес к области воздушных перевозок. Но в то же время, налицо и ограниченный эффект для российского самолёто- и двигателестроения. Это можно объяснить невозможностью быстрого возврата на необходимые мощности выпуска продукции. Для развития отрасли необходимо в рамках существующих государственных программ в условиях западных санкций проводить политику протекционизма отечественной продукции. То есть государственные перевозчики и перевозчики с большой долей государственного капитала должны стремиться к обновлению именно за счёт отечественной продукции, но эти меры необходимо проводить в комплексном повышении качества изделий (надёжности, долговечности, экономичности, экологичности). Следует стремиться к рациональному расходованию государственных средств с тем, чтобы увеличить финансирование прорывных направлений исследований. Стоимость таких исследований и разработок очень высокая и позволить её могут всего несколько ведущих мировых стран.

Всего несколько стран страны мира, например, Россия, США, Великобритания, Франция, обладают научно-техническим и промышленным потенциалом, позволяющим самостоятельно создавать авиационные двигатели любого типа и назначения. Принцип "двойных технологий" позволяет широко применять авиационные двигатели в качестве высокоэффективных источников механической, газодинамической и тепловой энергии в судостроении, энергетике газоперекачки и других областях хозяйства. В ряде стран авиационное двигателестроение включено в перечень критических технологий, определяющих национальную безопасность государства. Для создания двигателя для авиации необходим высокий уровень развития фундаментальной и прикладной науки. Его нельзя создать без освоения методов моделирования газо- и термодинамических, прочностных и управленческих процессов [7].

Если говорить о двигателях для боевой авиации, то они должны обладать рядом таких характеристик, как уменьшение удельного веса двигателя в 1,4–2 раза, удельного расхода топлива на 15–30%, повышение надёжности на 60–80%, обеспечение ресурса двигателя, соответствующего 0,5–1 ресурса планера, снижение в 2–3 раза трудоёмкости обслуживания и в совокупности – снижение стоимости жизненного цикла примерно в 1,5 раза. Высокий уровень весового и эксплуатационного совершенства должен быть обеспечен за счёт предельно высокой температуры газа перед турбиной, близкой к стехиометрической, применения композиционных, в том числе керамических, материалов для изготовления основных узлов двигателя и корпусных деталей, интегральной схемы автоматического управления и топливopитания на основе электропривода, магнитной подвески роторов, принципиально новых технических решений и технологий

изготовления отдельных узлов и компоновки в целом. Требуются такие перспективные материалы, как легкие композиционные материалы на металлической, интерметаллидной керамической и углеродной основе [7].

Ещё одной важной задачей на текущей момент является внедрение технологии CALS (непрерывная поддержка материально-технического обеспечения и жизненного цикла). Эта система позволяет контролировать в реальном времени конструкцию изделия, конфигурацию и техническое состояние в процессе эксплуатации. Указанная система позволяет решать задачи по разработке формальных математических моделей конфигурации изделий, процессов разработки и изготовления; сбору, обработке, хранению и передаче информации всем участникам жизненного цикла в процессе создания двигателя. При внедрении такой технологии в промышленности США были достигнуты следующие результаты: сокращение времени разработки изделия – от 40% до 60%, прямое сокращение затрат на проектирование – от 10% до 30%, сокращение времени вывода новых изделий на рынок – от 25% до 75%, сокращение доли брака и конструктивных изменений от 23 до 73%, сокращение затрат на подготовку технической документации – до 40%, сокращение затрат на разработку эксплуатационной документации – до 30% [5]. CALS позволяет в режиме реального времени производить обмен информацией и получать самые свежие и полные данные по производству, а это, в свою очередь, даёт возможность системного анализа ситуации и принятия верного решения в узком временном промежутке. Но для этого требуется ещё и выстраивание определённым образом функционирования производственно-хозяйственной системы, подбор соответствующих кадров, глубина понимания процесса.

По мнению В.М. Толоконникова, эксперта в авиастроении, для активного развития двигателе- и авиастроения необходимо, чтобы во главе ОКБ и НИИ должны быть только крупные учёные данной отрасли, а не менеджеры широкого профиля; существенно увеличить государственные заказы на самолёты отечественной разработки и активно списывать устаревшие модели; вводить дополнительные пошлины на покупку зарубежных самолётов; провести обновление станкоинструментальной базы, перейти к среднесрочному и долгосрочному планированию в отрасли [6]. Кроме того, в гражданской авиации следует активнее развивать лизинг.

Рассмотрим еще одну ветвь двигателестроения – поршневое двигателестроение. Поршневые двигатели нашли своё применение в самых разнообразных отраслях промышленности и транспорта: в качестве привода средств наземного, воздушного и водного транспорта, боевой, сельскохозяйственной и строительной техники, энергогенераторов, водяных насосов, помп и т.д. Они являются самыми распространёнными тепловыми двигателями. Мощность судовых двигателей доходит до 80 МВт, единичная мощность тепловозных двигателей составляет 4400 кВт. В России 50% железнодорожного грузооборота осуществляется тепловозами с двигателями внутреннего сгорания (ДВС). В качестве топлива могут применяться бензин, дизельное топливо, спирты, биодизель, сжиженный газ, природный газ, водород, биогаз, монооксид углерода, газообразные продукты крекинга нефти. КПД здесь не превышает 60% [8, с. 13–14; 597–611].

В настоящее время правительством РФ принят ряд важных программ, так или иначе связанных с поршневым двигателестроением. Например, программы «Морской транспорт», «Внутренний водный транспорт», предусматривают пополнение и обновление морских и речных судов, обновление и увеличение мощностей портов. Эти меры требуют совершенствования различных видов ДВС, разработки новых моделей; увеличение выпуска, рост качественных показателей выпускаемых ДВС, что, в свою очередь, требует обновления материальной базы предприятий двигателестроения). Намечены меры и в области развития промышленности и повышения её конкурентоспособности. Они сформулированы в таких подпрограммах, как «Стимулирование развития российских организаций автомобилестроения»; «Стимулирование обновления парка автотранспортных средств и спроса на новую автомобильную технику» и т.д. [9].

При анализе двигателестроения необходимо рассмотреть экологическую безопасность двигателя. Проблема экологии ДВС наиболее остро проявляется в крупных городах, так как автомобильные двигатели являются одним из главных источников токсичных веществ, выбрасываемых в атмосферу. Доля автомобильного транспорта в выбросе вредных веществ в США составляет 60,6%, в Великобритании – 33,5%, во Франции – 32%. Отечественный автомобильный парк ежегодно выбрасывает в атмосферу 13–15 млн. т. CO₂, 1,2–1,5 млн. т. NO. До 22% выбросов CO₂ повышают кислотность атмосферы, 60–90% смога приходится на эмиссию вредных веществ. Начиная с принятого в США в 1970 году закона Clean Air Act, остальные страны стали законодательно ужесточать нормы загрязнения окружающей среды автомобильными двигателями. Сейчас в США, Японии, странах Западной Европы введены нормы, устанавливающие максимально допустимые удельные массовые выбросы NO, CO₂. В России действуют как отраслевые стандарты, так и общеевропейские нормы на содержание этих же веществ. Правилами ООН введены ограничения на дымность [8, с. 532–536].

Выполнение современных требований по выбросу вредных веществ возможно только при использовании передовых систем автоматического управления и регулирования. Особое место занимают системы топливоподачи и воздухообеспечения. Теоретически обоснован и применен ведущими корпорациями мирового автопрома ряд мер, способствующих снижению вредных выбросов до установленных норм. К этим мерам относятся организация вихревого движения воздушного заряда; рециркуляция отработавших газов; повышение давления впрыскивания топлива; реализация оптимальных фаз газораспределения; увеличение степени сжатия, применение выпускных систем с нейтрализацией и фильтрацией отработавших газов [8, с. 541–559].

В заключении необходимо отметить, что в рамках подпрограммы «Создание и организация производства в Российской Федерации в 2011–2015 годах дизельных двигателей и их компонентов нового поколения» для выполнения задач, поставленных перед предприятиями, в связи с отсутствием у них экспериментально-исследовательских подразделений, были сформированы альянсы соисполнителей: ОАО «Пензадизельмаш» – ОАО «Коломенский завод»; ООО «УДМЗ» – FEV GmbH (Германия); ОАО «ВДМ» – «FEV» GmbH (Германия); ОАО «Звезда» – «AVL List» GmbH (Австрия). В результате сотрудничества готовые образцы двигателей были готовы в предельно короткие сроки, но практически полностью (за исключением альянса ОАО «Пензадизельмаш» – ОАО «Коломенский завод») построены из импортных компонентов, изготовленных в странах ЕС. При этом созданные в рамках подпрограммы образцы отечественных компонентов нового поколения (турбокомпрессоры, топливные системы, поршни, подшипники и др.) не нашли применения. В условиях санкций – это подчеркивает необходимость создания единой информационной системы, объединяющей на первом этапе предприятия отрасли и смежные с ней. Сейчас МГТУ им. Баумана ведёт разработку программы модернизации производства и создания новых производственных компонентов силовых установок [10]. Важно, чтобы она соответствовала задачам осуществления новой индустриализации, вывода отечественной двигателестроительной промышленности на траекторию опережающего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Технология двигателестроения / А.Л. Карунин [и др.] ; под ред. А.И. Дашенко. – 3-е изд., пер. и доп. – М. : Высш. шк., 2006. – 608 с.
2. Дэниелс Дж. Современные автомобильные технологии / Дж. Дэниелс. – М. : АСТ, 2003. – 223 с.
3. Ключков В.В. Организационно-экономические основы обеспечения конкурентоспособности высокотехнологичных производств: на примере авиационного двигателестроения : дис. ... д-ра

- экон. наук : 05.02.22 / В.И. Ключков ; Моск. физ.-тех. ин-т (гос. ун-т). – М., 2007. – 323 с.
4. Машиностроение : энциклопедия : в 40 т. / редсовет: К.В. Фролов (пред.). – М. : Машиностроение, 2000–. – Раздел IV : Расчет и конструирование машин. Т. IV–21 : Самолеты и вертолеты. В 3 кн.. Кн. 3 : Авиационные двигатели / К.В. Фролов (общ. ред.), В.А. Скибин (ред.-сост.). – М. : Машиностроение, 2010. – 720 с.
 5. Ключков В.В. Организационно-экономические аспекты внедрения CALS-технологий в авиационном двигателестроении / В.В. Ключков // Технология машиностроения – 2006. – № 5 – С. 81–86.
 6. Толоконников В.М. О возрождении авиапрома и авиадвигателестроения / В.М. Толоконников // Двигатель. – 2015 – № 1 (97). – С. 14–16.
 7. Скибин В. Перспективы и проблемы развития авиационного двигателестроения в России / В. Скибин, В. Солонин // Двигатель. – 1999. – № 1. – С. 25–29.
 8. Машиностроение : энциклопедия : в 40 т. / редсовет: К.В. Фролов (пред.). – М. : Машиностроение, 2000–. – Раздел IV : Расчет и конструирование машин. Т. IV–14 : Двигатели внутреннего сгорания / Л.В. Грехов [и др.] ; под общ ред. А.А. Александрова, Н.А. Иващенко. – М. : Машиностроение, 2013. – 784 с.
 9. Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности [Электронный ресурс] – <http://me-forum.ru>
 10. Подпрограмма «Создание и организация производства в Российской Федерации в 2011-2015 годах дизельных двигателей и их компонентов нового поколения» федеральной целевой программы «Национальная технологическая база» на 2007–2011 годы / вступ. статья Л.А. Новикова // Двигателестроение. – 2011. – № 4 (246). – С. 3–19.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ»

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Водомеров Николай Кириллович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет», кафедра «Экономика»
г. Курск, Российская Федерация E-mail: vodomerochnik@gmail.com

Одним из основных вопросов, обсуждаемых в монографии, является вопрос о соотношении политической экономии и экономикс. В его понимании авторы также не проявили единодушия.

Так, А.В. Сидорович полагает, что политическая экономия и экономикс изучают разные аспекты экономики, политэкономия – социально-экономические производственные отношения, отношения между классами; а экономикс «ориентирован на решение практических проблем развития рыночно-капиталистических отношений, исследование поведения субъектов рыночных отношений», это – «теория рационального использования ресурсов». По его мнению, «рассматривать «Экономикс» как разновидность политической экономии ... ошибочно и неправомерно» [с. 213]. При этом автор считает, что оба направления экономической науки необходимы для принятия практических решений. «Благодаря единству различных направлений науки, – пишет он, – преодолевается основное противоречие между односторонностью знаний и фундаментальностью экономической теории, что имеет огромное значение для организации её потенциала и признание нашей науки практически востребованной» [с. 215].

Аналогичной позиции придерживаются Ю.К. Зайцев и В.С. Савчук.

Близкую точку зрения развивает и А.А. Гриценко. Он считает, что «... Политическая экономия возникает из потребности увидеть за внешними формами проявления их более глубинные основания и сущность. Эта ее родовая характеристика... Если, наоборот, нет заинтересованности в постижении сущности, или есть заинтересованность в ее сокрытии, то подходящими являются функциональные подходы, которые не интересуются вопросами сущности, а концентрируются на описании механизмов функционирования, их математическом моделировании и совершенствовании. Эту роль исторически выполнил экономикс» [с. 20].

Похожую позицию занимает А.Е. Худокормов. По его мнению, марксистская политическая экономия и экономикс (неоклассическая теория) концентрируются на разных сторонах капиталистического общества. Первая – на противоречиях капитализма, она выяснила закономерности воспроизводства и экономического цикла. Вторая сосредоточена на проблеме выбора в условиях ограниченности ресурсов, она лежит в основе современной микроэкономики [с. 35–37]. Эти теории, как полагает автор, во многом являются антиподами, поскольку марксистская политэкономия пророчит гибель капитализму, а неоклассика (экономикс) – это «теория

совершенствования капитализма» [с. 37–38]. По мысли Е.А. Худокормова, отношение к указанным теориям зависит от фазы капиталистического воспроизводства. В период стабильного развития доминирует неоклассика, а в период кризисов усиливается внимание к марксистской политэкономии [с. 38–58].

М.И. Воейков видит различие между политэкономией и экономикс в другом. Он пишет: «Политическая экономия это идеологическая и политическая наука. ... Если выхолостить из политической экономии идеологические и политические сюжеты по необходимости все сведется к «Экономиксу» [с. 290].

Рассмотренные точки зрения, так или иначе не принимают во внимание тот факт, что экономикс не просто изучает принятие решений в условиях ограниченности ресурсов, но и настаивает на своей трактовке базовых категорий товарного хозяйства как единственно верной, в основе которой лежит теория предельной полезности. Это относится к таким категориям, как цена, капитал, заработная плата, издержки, прибыль, процент, рента. В марксистской же политэкономии (преемнице классической политэкономии) все эти категории объясняются с позиции трудовой теории стоимости. Иначе говоря, традиционная политэкономия, – не «новая» с ее разновидностями, – и экономикс являются двумя отрицающими друг друга концепциями базовых категорий современной экономики, двумя идеологиями-антиподами.

Научный анализ использования ограниченных ресурсов и поведения субъектов рынка возможны (и необходимы) и с позиции марксистской политэкономии, а вовсе не только благодаря экономикс. И блестящими примерами такого анализа являются как произведения классиков марксизма, В.И. Ленина, так и труды многих советских ученых. Более того, методы и модели анализа хозяйственной деятельности и поведения потребителей, как правило, используют перечисленные базовые категории безотносительно к тому, как трактуется их сущность. Это отнюдь не означает, что понимание сущности рыночных отношений не имеет никакого значения для деятельности людей. Оно имеет значение, прежде всего для выяснения закономерностей функционирования и развития производственных отношений капитализма, а также и для реализации коренных интересов классов и слоев современного общества. И если политическая экономия решает такую задачу, то экономикс, уходя от анализа противоречий и закономерностей развития капитализма, всячески пытается доказать справедливость буржуазного общества и его соответствие «природе человека».

По сути, прав М.И. Воейков, который пишет, что рабочему классу и всем трудящимся необходима политическая экономия, которая не только объясняет суть капиталистических отношений, но и выявляет пути перехода к социалистическому обществу. По его словам, «политическая экономия ... должна обосновывать, как нам быть с рынком, с каким рынком, и как будет осуществляться переход к нерынку. Поэтому все те экономисты, которые сегодня разрабатывают стратегии выхода страны из экономического кризиса на путях всеобщего благосостояния, сознательно или бессознательно занимаются политической экономией социализма. Эта наука в принципе должна описывать процесс преодоления рыночной экономики, ее завершающую стадию» [с. 297].

Что же касается «практичности» экономикс, то многие жизненно важные практические проблемы просто не имеют решения на основе экономикс, на что обращают внимание многие авторы монографии (А.Г. Арсеенко, П.С. Ещенко, Е.П. Семенюк, Т.Ю. и Ю.Ю. Туницы, И.И. Малый и др.). К таким проблемам в первую очередь относятся все глобальные проблемы человечества, проблемы экономических циклов и кризисов, трансформации социально-экономических систем и многие другие. Для их решения требуется именно политико-экономический подход. Для решения же практических вопросов хозяйствования на уровне предприятий используются методы анализа и прогнозирования, независимые от теории предельной

полезности, лежащей в основе экономикс. И ни один из «потребителей» на практике не строит и не будет строить «кривые безразличия» и «бюджетные линии», которыми он, согласно экономикс, должен руководствоваться при принятии решений.

На различный характер отражения реальности политической экономией и экономикс обращает внимание и Ю.М. Осипов: «Политэкономия хотя бы стремилась к некоторому отражению реальности и ее идейному оправданию [но и не только оправданию – Н.В.], а постполитэкономия если и ставила перед собой какую-либо научно-исследовательскую задачу, то только ей себя и посвящала (институционализм, кейнсианство, монетаризм, неoinституционализм), не слишком заботясь об адекватном отражении реальности, а все попытки целостного-де представления о реальной экономике сводила к ради самих себя сконструированным моделям (маржинализм, эконометризм, «неоклассицизм», факториализм и т. д.)» [с. 659].

На соотношении марксистской политической экономии и экономикс подробно остановился А.В. Бузгалин. Он считает, что различие между этими двумя направлениями заключается, прежде всего, в том, что марксистская политическая экономия изучает «действительное содержание капиталистического базиса», на основе которого возможно исследование и его превращенных форм; а «... лежащие в основе есономіс политико-экономические разработки выражают мнимое ... содержание этой экономики», экономикс описывает превращенные, фетишизированные формы производственных отношений [с. 552]. По мнению этого автора, марксистская политэкономия и экономикс имеют разный предмет исследования, хотя ряд объектов их исследования совпадает. «Методы исследования этих дисциплин, – пишет А.В. Бузгалин, – также весьма различны. Если для экономикс исходный пункт исследования – это прежде всего количественно измеримые (в подавляющем большинстве случаев – в деньгах) эмпирические данные, то для политической экономии – общественная практика, понятая как деятельность общественного индивида, а эмпирические данные в большинстве случаев – это не более чем косвенное отражение видимостей и превратных форм, которые надо исследовать с тем, чтобы добраться до истины, а не принимать как факт = критерий истины. Если само исследование для экономикс есть, прежде всего, позитивное, верифицируемое моделирование (как правило – математическое) процессов функционирования некоторых параметров рынка и регулирующих воздействий, то для политической экономии это исследование системы противоречий исторически развивающейся реальности, отображаемое в системе генетически взаимосвязанных категорий, где одни категории (видимость) отрицает другие (сущность) и лишь вся система дает конкретное представление о предмете, а противоречия есть симптом не ошибки, а приближения к истине. Математические же модели играют роль одной из форм отображения количественных взаимодействий, далеко не исчерпывающих сложный мир отношений экономической системы» [с. 556].

Принципиальными, по мнению автора, являются различия между марксистской политэкономией и экономикс в трактовке человека и общества, государства и фирмы. Кроме того, В.А. Бузгалин констатирует, что за рамками объекта исследования экономикс лежат нерыночные отношения, закономерности и противоречия развития самой рыночной экономики, отношения между классами и слоями общества, проблемы общественного воспроизводства. «Наконец, – пишет автор, – для есономіс по большому счету существуют только те экономические параметры, которые подлежат квантификации, могут быть количественно выражены. От всего остального ... эта теория просто уходит, объявляя вненаучным все то, что, по их мнению, нельзя «строго» (т.е. при помощи сколь угодно далекой от реалий математической модели) отобразить и верифицировать» [с. 559–560].

На наш взгляд, приведенные положения следует признать достаточно обоснованными, хотя и к ним следовало бы добавить еще один не менее важный момент: марксистская политэкономия и экономикс объясняют одни и те же экономические явления, основываясь на отрицающих друга, принципиально не совместимых исходных посылах.

Далее, если на основе марксистской политической экономии вполне и лучше объяснимы все те экономические явления, которые изучаются в экономикс, а экономикс в принципе не в состоянии объяснить широчайший круг явлений, исследованных марксистской политэкономией; то отсюда следует, что развитие экономической науки вполне может обойтись и без экономикс. Нужно лишь более детально проанализировать с позиции марксистской политической экономии те явления, изучение которых экономикс ставит себе в заслугу. Для этого, разумеется, требуется существенное развитие и самой марксистской политэкономии.

Авторы монографии не обошли стороной и теорию цены, которая образует главный пункт разногласий между марксистской политэкономией и экономикс. В этом вопросе проявились две основные точки зрения: 1) отстаивание трудовой теории стоимости, 2) неудовлетворенность трудовой теорией стоимости и поиски более общих подходов к пониманию цены.

Развернутые и основательные аргументы в защиту трудовой теории стоимости сформулированы в разделе монографии, написанном В.Н. Черковцом. Автор решает тройную задачу: а) обосновывает исходные категории и методологические принципы трудовой теории стоимости; б) дает ответ на критические выступления в научной литературе по адресу трудовой теории и в) приводит доказательства сохранения трудовой теорией стоимости научного потенциала для познания явлений современной экономики. Остановимся на ряде важных положений этого раздела.

Как отмечает В.Н. Черковец, «...творческая причина происхождения человека и развития человеческого общества связывается с трудом, создающим и использующим орудия труда в материальном производстве благ. Этот всеобщее-трудовой принцип на разных ступенях истории, в разных социальных системах реализуется сквозь призму прежде всего определённых производственных (экономических) отношений. В условиях товарно-денежных, рыночных отношений он проявляется в трудовой теории стоимости. И до тех пор, пока существуют эти отношения, трудовая теория стоимости не утрачивает своего объекта-предмета» [с. 352]. В условиях товарно-денежных отношений стоимость является мерой ценности затрат труда и потребительной стоимости. Если же общество достигнет такой стадии развития, когда не только будет установлена общественная собственность на средства производства, но и «живой труд фактически выйдет из процесса непосредственного воздействия на предметы труда в материальном производстве», тогда, – как пишет В.Н. Черковец, ссылаясь на Ф. Энгельса, – «стоимость постепенно перестанет играть роль «меры потребительной стоимости», которая будет прямо измеряться в адекватных формах её полезности». В таких условиях стоимость, как экономическое отношение, будет заменено прямым сопоставлением полезного эффекта и трудовой затраты при планировании производства. В этом будущем обществе возникнет и другая теория ценности, как снятие трудовой теории стоимости и теории предельной полезности [с. 361–362]. Но в сегодняшнем мире, отмечает В.Н. Черковец, процесс отмирания стоимости, «несмотря на иллюзорные представления забегающих вперёд теоретиков», «ещё в самом начале и, конечно, далёк от завершения даже в самых развитых в техно-экономическом отношении стран» [с. 359]. Поэтому трудовая теория стоимости остается востребованной. Как пишет В.Н. Черковец, «она и сегодня может служить отправной точкой развёртывания логического полотна стройной системы категорий, отражающих «горизонтальный» и «вертикальный» разрезы единой системы многообразия взаимосвязанных реальных социально-производственных отношений рыночно-капиталистической экономики в целом. ... способна играть роль методологического ключа системного анализа в полном раскрытии сложной ... социально-экономической структуры общества, источников доходов его членов, путей их использования, в способности дать целостную картину образа и уровня жизни людей, сопоставить различные модели современной рыночной экономики, а её с альтернативными экономическими системами прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего» [с. 367].

«Трудовая теория стоимости, – отмечает автор, – ориентирует общество и государство на рост производительности общественного труда как главный критерий высоты экономического развития страны, общую и исходную форму повышения эффективности общественного производства, ведущий фактор экономического роста и «богатства народов», подъёма их благосостояния. Современное развитие «постиндустриальных» методов производства, «экономика знаний» и проч. не уменьшают, а, напротив, усиливают значение труда в производственно-созидательной деятельности человечества и прежде всего в сфере материального производства». В экономикс же, констатирует автор, «проблема производительности труда, особенно в сфере материального производства, по сути погашена...» [с. 367]. Важно также понимать, что, как пишет В.Н. Черковец, «все виды основных доходов и в современной рыночной экономике содержат не бесплотную виртуальную начинку, а в конечном счете, общественно-трудовую субстанцию.... Все они питаются в конечном счёте из трудового источника... Теория же полезности (предельной полезности, потребительского выбора), поскольку она имеет дело с чисто функциональными, а не сущностными причинно-следственными зависимостями между факторами производства и приходящимися на них в результате распределения долями продукта, обходит этот вопрос» [с. 368]. Как обосновывает автор, трудовая теория стоимости является исходной базой научного понимания ценообразования и на услуги, а также «мировой процесс ценообразования и многие другие международные экономические отношения (связи), основу которых составляет объективное формирование региональной (группы стран) и интернациональной («глобальной») стоимости на базе национальных стоимостей обращающихся на мировом рынке товаров» [с. 368].

«Трудовая теория стоимости, пишет В.Н. Черковец, – является предпосылкой объяснения также одной из главных причин межстрановой миграции капиталов и рабочей силы, кредитно-денежных, валютных отношений и других мирохозяйственных явлений» [с. 368–369]. В то же время, – отмечает автор, – «трудовая теория стоимости ... не может непосредственно прилагаться к новым и модифицированным «старым» экономическим явлениям. Попытка такого рода способна лишь дискредитировать теорию и стать средством её ложного опровержения». Для понимания этих явлений необходимо восхождение от абстрактного к конкретному, «требуется логический переход через ряд «промежуточных звеньев», чтобы, выражаясь философским языком, объяснить действительность как «единство сущности и явления» [с. 369].

Преимущества трудовой теории стоимости, по мысли этого автора, и в более полном и глубоком объяснении процессов воспроизводства в сравнении с неоклассикой [с. 370]. Затрагивая вопрос о синтезе трудовой теории стоимости и теории предельной полезности, В.Н. Черковец подчеркивает: «...имеется существенная разница в том, что маржиналистская теория не идет в глубь системы производственных отношений, оставаясь на их феноменологическом уровне, классическая же политическая экономия в её марксистском продолжении выходит из её внутренних слоёв на поверхность явлений. И делает это, во-первых, просвечивая их прожектором сущностных оснований и, во-вторых, выводя их из этих оснований как объективно необходимые формы проявления последних. Поэтому, исходя из методологии обеих версий, неоклассическая теория не может дать и не претендует на то, чтобы дать целостное представление о рыночно-капиталистической экономической системе в единстве её «горизонтальной» и «вертикальной» структур, классическая же политическая экономия с её парадигмальной трудовой теорией стоимости не имеет ограничений в познании таких структур не только капиталистической системы в её прежнем и современном виде, но и всех других известных истории экономических систем» [с. 371].

Касаясь вопроса о проверке трудовой теории стоимости «на «верификацию» и «фальсификацию», В.Н. Черковец пишет: «...здесь не допустим шаблон. Как абстрактная, общая теория, трудовая доктрина стоимости не может, по аналогии с прикладной дисциплиной, непосредственно, прямолинейно, без посредствующих форм соотноситься с эмпирическими

фактами реальной хозяйственной практики. Их связь, как отмечалось, опосредована «промежуточными» звеньями, позволяющими судить (но лишь в конечном счёте!) о достоверности или недостоверности теории, о сохранении или утрате ею значимости для анализа современных ситуаций» [с. 369]. Трудовая теория стоимости, как и любая научная теория, – как отмечает автор, – «не может, конечно, канонизироваться вроде «священного писания». По мысли автора, «новая страница в трудовой теории стоимости и вместе с тем и новый раздел в экономической теории, расширяющий исторические рамки политической экономии» – «определение и обоснование условий финишной картины эволюции и отмирания товарно-денежных отношений, а вместе с тем ухода и трудовой теории стоимости с арены действующей науки» [с. 362].

На наш взгляд, приведенные выше положения достаточно аргументированы и их следовало бы принять во внимание, как противникам трудовой теории стоимости, так и тем, кто пытается «синтезировать» ее с теорией предельной полезности, или заменить в качестве основы анализа рыночных отношений той или иной «более общей» теорией стоимости (ценности).

Остановимся на иных точках зрения по поводу теории цены, высказанных авторами монографии.

К.К. Вальтух формулирует свою концепцию теории стоимости, которая, по его словам, «опирается, помимо работ Маркса, на крупнейшие достижения XX века в развитии экономической науки» [с. 380]. В начале своего раздела К.К. Вальтух рассматривает вопрос о верификации трудовой теории стоимости. Для этого он предлагает выражение дефлятора ВВП (p) как произведение трех множителей: «(1) обратной величины отношения фонда оплаты труда к ВВП, измеренному в текущих ценах $[Y/W]$, (2) средней оплаты единицы труда $[v]$ и (3) прямой трудоемкости ВВП, измеренного в ценах базового года $[T/Y_b]$ ¹» (с. 373), или:

$$p = \frac{Y}{W} \times v \times \frac{T}{Y_b} \quad (1)$$

Данная формула может быть представлена в следующем виде:

$$p = d \times v \times \frac{T}{Y_b} \quad (2)$$

где: d – величина, обратная доли фонда оплаты труда в ВВП.

Поскольку параметр d , как показывают данные статистики, изменяется год от году незначительно, то можно сделать вывод о том, что имеет место значимая связь между темпом роста дефлятора ВВП (p) и темпом роста средней номинальной оплаты единицы труда (величины $v \times T/Y_b$). К.К. Вальтух почему-то полагает, что данный факт является практическим подтверждением трудовой теории стоимости [с. 373]. Кроме того, он утверждает, что рост цен происходит в силу роста оплаты труда [с. 373]. На наш взгляд, с такими выводами трудно согласиться. По сути, К.К. Вальтух утверждает, что относительная устойчивость доли фонда оплаты труда в ВВП есть следствие только трудовой теории стоимости [с. 373]. Однако у неоклассики есть своя версия, объясняющая тот же самый факт, вытекающая из теории производительности факторов производства.

Аналогичную формулу К.К. Вальтух использовал для анализа темпов роста цен на продукцию отдельных отраслей экономики. Получился тот же результат: доля фонда оплаты труда в стоимости

¹ Используемые обозначения введены нами. – Н.В.

продукции отраслей относительно стабильна. Но этот результат объясним и с позиции неоклассики. К.К. Вальтух полагает, что «по своему действительному содержанию современный монетаризм есть не что иное, как некоторое истолкование одного из положений теории стоимости, а именно, Марксовой формулы количества денег, необходимого для обращения товаров. При этом формула дается без ссылок на теорию стоимости, без ссылок на Маркса, именуется «формулой Фишера» [с. 377]. С этим утверждением также вряд ли можно согласиться. Во-первых, уравнение, которое используется в монетаризме, – так называемая «формула Фишера», – в упрощенном виде было известно задолго до Маркса. Маркс внес в него существенное дополнение, учитывающее кредитные отношения, но проигнорированное монетаристами. Во-вторых, в монетаризме коэффициент кассовых остатков рассматривается как функция ряда переменных, чего нет в «формуле Фишера».

К.К. Вальтух провел корреляционный анализ зависимости темпа роста дефлятора от темпа роста денежной массы и выяснил, что между ними имеется слабая положительная связь. Отсюда он сделал вывод о значительно более слабой – по сравнению с трудовой теорией стоимости, – объясняющей способности монетаристской теории («формулы Фишера») [с. 378]. Думается, такой вывод недостаточно обоснован, поскольку в основе его все же лежит упрощенный вариант трактовки монетаристской модели.

Далее, автор полагает, что подтверждением трудовой теории стоимости является статистически значимая зависимость между темпами роста ВВП и производительности труда. Рассчитанный им коэффициент детерминации первой величины от второй по ряду стран колеблется от 0,661 до 0,962 [с. 379]. Но и это, к сожалению, нельзя признать подтверждением правоты только трудовой теории стоимости. Дело в том, что расчеты зависимости темпов роста ВВП от темпов роста труда и капитала, проведенные по модели Кобба-Дугласа, дают не меньшие, – а нередко и большие, – коэффициенты детерминации. Поэтому неоклассика также может претендовать на свое объяснение факторов экономического роста. На наш взгляд, верификация трудовой теории стоимости могла бы состоять, например, в проверке следующей зависимости: цены продукции в тех отраслях, где быстрее растет производительность труда, должны расти медленнее, чем в тех, где производительность труда повышается более низкими темпами.

Сравнивая трудовую теорию стоимости с теорией предельной полезности, К.К. Вальтух делает вывод о том, что первая, «... обладая большой объясняющей и прогнозной силой, ... является все же логически незавершенной и практически недостаточной. В ней не были – и не могли быть – решены две крупные проблемы: проблема неценового определения коэффициентов редукции труда (множителей, сводящих труд различных уровней сложности к простому); проблема общественной стоимости природных ресурсов» [с. 380]. С таким мнением вряд ли можно согласиться. Что касается коэффициентов редукции труда, то – поскольку соизмерение труда по сложности происходит рыночным путем, – то абсолютно точно их, разумеется, не сосчитать, – как не измерить стоимость товаров непосредственно в рабочем времени. Основа же измерения коэффициентов редукции труда в трудовой теории стоимости определена. Это – соотношение общественно необходимых затрат на подготовку работников соответствующих профессионально-квалификационных групп. Что касается «стоимости» природных ресурсов, то, с позиции трудовой теории стоимости, природные ресурсы не имеют стоимости, хотя имеют цену, в основе которой лежит рента, которая образуется благодаря использованию этих ресурсов. Размер ренты вполне объясним на основе трудовой теории стоимости.

Тем не менее, К.К. Вальтух предлагает свое решение указанных двух проблем, с которыми не справилась трудовая теория стоимости. Он пишет: «Нами было предложено осуществить решение этих проблем на основе информационной теории стоимости – обобщения трудовой теории стоимости, соединяющего ее с современной теорией информации» [с. 380]. Согласно этой теории, коэффициенты редукции труда «представлены как количества информации, воплощенной в

единице рабочей силы, находящиеся в обратной зависимости от кумулятивной вероятности (в этом смысле – редкости) различных квалификационных категорий работников в составе рабочей силы в целом... чем более квалифицирован труд, тем он менее распространен» [с. 380]. Данный вывод К.К. Вальтух подкрепляет расчетами коэффициентов корреляции между уровнем оплаты труда групп работников и «кумулятивной вероятностью» (редкостью) этих групп (т.е. их долей в общей численности работников). Причем автор каким-то способом (способ не раскрывается) даже рассчитал «прибавочную стоимость», создаваемую разными группами работников, что сделать в современной экономике не так-то просто, учитывая множество факторов, влияющих на выручку и прибыль предприятий. Из своих расчетов К.К. Вальтух делает вывод о том, что наименее оплачиваемая часть работников «не только не подвергается эксплуатации в современном капиталистическом обществе, но представляет собою частичных иждивенцев наиболее квалифицированной части работников» [с. 382]. Иначе говоря, низкооплачиваемые рабочие – иждивенцы директоров, которые получают жалование в десятки и сотни раз большее, чем эти рабочие. Более того, в свои соратники он записывает ...Маркса, из теории которого также будто бы следует, что «большая часть работников (работники относительно низкой и средней квалификации) являются (вместе с семьями; с учетом благ, получаемых из современных общественных фондов потребления) частичными иждивенцами наиболее квалифицированного меньшинства работников» [с. 383–384].

Аналогичным образом К.К. Вальтух подходит и к рассмотрению «стоимости природных ресурсов». С его точки зрения «стоимость природных ресурсов» находится в определяющей зависимости «от их распространенности (вероятности) в сфере жизнедеятельности человека – антропосфере» [с. 385]. На наш взгляд, приведенные выводы К.К. Вальтуха более чем сомнительны. Можно привести множество фактов, когда они не подтверждаются. Например, численность занятых рыболовством и рыбоводством примерно в 10 раз меньше, чем в сфере финансов. А уровень оплаты труда у первых примерно в 2 раза ниже, чем у вторых. По «информационной» же теории, соотношение в оплате труда должно быть в пользу рыболовов и рыбоводов, а не финансистов. Другой пример: разведанные мировые запасы медных руд примерно в 2,5 раза больше, чем запасы цинковых руд, а мировые цены на медь примерно в 3 раза выше, чем на цинк. По «информационной теории» должно быть как раз противоположное соотношение.

Но дело не только в этом. «Информационная теория» никак не выводится из анализа рыночных отношений, ее выводы вообще не зависят ни от каких отношений. Что является субстанцией стоимости в этой теории? Информация? Тогда причем тут редкость ресурсов? «Информационная теория стоимости» не имеет ничего общего с теорией Маркса, хотя К.К. Вальтух рассматривает ее как развитие этой теории. Теория К.К. Вальтуха, по сути, это – полный отказ от трудовой теории стоимости и от анализа реальных (в том числе – рыночных) производственных отношений вообще.

Другой автор монографии, А.А. Гриценко, полагает, что «формирование «новой» экономики» сопровождается новыми явлениями, которые требуют разработки обновленной теории стоимости, последняя обозначена автором «как социально-временная теория стоимости» [с. 321, 323]. Говоря о новых явлениях, А.А. Гриценко пишет: «... полезность сетевых благ, в отличие от ординарных, возрастает вместе с их количеством. Например, чем больше пользователей мобильной связи, тем больше полезность телефона. Соответственно растет и спрос. Поэтому кривая спроса на сетевые блага имеет совершенно иной вид по сравнению с кривой спроса на ординарные блага. Она возрастает по мере увеличения участников сети. ... Очевидно, что традиционные подходы и модели не помогут ответить на такие вопросы» [с. 321]. Думается, в данном высказывании не проводится различие между такими понятиями, как увеличение объема спроса и увеличение спроса. Если растет полезность телефона и увеличивается спрос на него, то это означает сдвиг кривой спроса вправо вверх, а не превращение кривой спроса в возрастающую линию. И «традиционные подходы и модели» вполне объясняют такие явления.

Как полагает указанный автор, «существуют объективные основания для рассмотрения» трудовой теории стоимости и маржинализма (т.е. теории предельной полезности) «как дополняющих друг друга». «Они, – пишет А.А. Гриценко, – выражают разные, переходящие друг в друга уровни отношений» [с. 321–322]. Автор аргументирует свою точку зрения следующим образом: «Если человек, например, во время пожара может спасти только один из полезных предметов, то он, безусловно, будет спасать более полезный. Если же выяснится, что они в одинаковой мере полезны, то будет выбран тот, на воспроизводство которого необходимо больше затрат труда и, соответственно, времени. В первом случае работает маржинальный принцип, во втором – принцип трудовой теории стоимости в своем зачаточном состоянии» [с. 322]. Однако довод автора не столь очевиден, как он полагает. Все дело в том, что считать «более полезным». Очевидно, что вещь, имеющую наибольшую стоимость, в рыночной экономике, – а именно она предполагается, – можно обменять на наибольшее количество полезных вещей, т.е. она как раз и будет иметь наибольшую полезность. Поэтому потерпевшему следует выбирать ту вещь, стоимость которой максимальна. Стоимость же вещи определяется отнюдь не индивидуальными предпочтениями потерпевшего, а рыночными отношениями.

Еще один аргумент А.А. Гриценко: «Если в условиях натурального хозяйства человек хочет иметь какое-то дополнительное благо, то он должен затратить время на его изготовление, т.е. превратить часть своего свободного времени в рабочее и на протяжении этого времени создать указанное благо. Если же свободного времени нет, то необходимо отказаться от изготовления других благ, на которые затрачивается эквивалентное количество рабочего времени. ...В приведенных формулах принципы маржинализма и трудовой теории стоимости в ее зачаточном виде применяются и поочередно, и одновременно. Они переплетаются в потоке экономических преобразований. Без них невозможно понять все слагаемые этого процесса» [с. 322]. Однако, на наш взгляд, к описываемым событиям не имеют никакого отношения ни трудовая теория стоимости, ни теория предельной полезности, поскольку они являются теориями ценообразования в условиях товарного хозяйства. И в качестве таковых они ни в чем не дополняют друг друга, а объясняют одни и те же явления исключаящими друг друга способами. Это – не стороны диалектического противоречия, а две научные концепции, из которых истинной может быть только одна. Такие ситуации имели место в науке. Вспомним, например, длительную борьбу между геоцентрической и гелиоцентрической теориями, или противостояние версии о создании человека богом и дарвинской эволюционной теории, которое не закончилось и поныне.

А.А. Гриценко рассматривает стоимость «как процесс». Он пишет: «Если в процессе формирования стоимости в ее классической форме переход осуществляется от индивидуального рабочего времени к усредненному и овеществленному, то исторический процесс происхождения трудовой стоимости идет в обратном порядке: сначала диалектически снимается овеществление (это связано с переходом к постиндустриальному обществу, где большая часть валового внутреннего продукта производится в виде услуг, которые не имеют овеществленной формы), потом отделяются затраты труда от времени воспроизводства, и, наконец, усредненное время воспроизводства блага (услуги) снимается индивидуальным» [с. 323]. Позволим себе и здесь возразить автору. Если оказание услуги не создает новой стоимости, – т.е. если труд, затраченный при ее выполнении, не материализуется в товаре, – то это вовсе не означает, что цена услуги измеряется непосредственно рабочим временем, а не стоимостью товаров, затраченных при выполнении услуги и необходимых для обеспечения жизнедеятельности работников, оказывающих услугу (т.е. овеществленным трудом). Кроме того, автор не привел доказательства своего утверждения о том, что затраты труда в качестве меры издержек в будущем будут заменяться «временем воспроизводства благ», сначала «усредненным», а затем и «индивидуальным». «Время воспроизводства» и затраты труда» – все же разные категории. Например, «время воспроизводства» пшеницы или крупного рогатого скота обусловлено естественными факторами. Другое дело –

затраты труда на выращивание пшеницы или скота. На наш взгляд, рабочее время – это всеобщая историческая форма издержек производства, которая в товарном хозяйстве принимает форму стоимости, а в нетоварном, непосредственно общественном выступает в своей непосредственной форме.

Названный автор считает, что «трудовая теория стоимости является исторической формой социально-временной теории стоимости ... Данная концепция включает и маргинальный подход, и теорию трудовой стоимости». Согласно этой теории, «... стоимость есть пространственно локализованное общественно-необходимое время воспроизводства благ, полезность которых превышает предельную» [с. 325]. В этом утверждении автора, в действительности, нет ни трудовой теории стоимости, ни теории предельной полезности. Если говорить о трудовой теории стоимости, то мерой издержек в конечном счете всегда является рабочее время, а не «время воспроизводства благ». А с позиции теории предельной полезности, предельная полезность индивидуальна. Предельную полезность для какого покупателя имел в виду А.А. Гриценко, не ясно. Далее, полезность всего количества товаров по теории предельной полезности всегда выше предельной полезности. Поэтому не ясно, о каких благах и каких их количествах идет речь в «социально-временной теории стоимости», а, значит, не определено и «общественно-необходимое время воспроизводства благ». По теории предельной полезности предельная полезность принимает форму индивидуальных оценок ценности благ, которые зависят не только от предельной полезности благ, но и от предельной полезности денег для покупателей. На рынке формируется цена спроса, которая равняется максимальной цене, по которой может быть продано данное количество товара. Все эти положения теории предельной полезности никак не отражены в «социально-временной теории стоимости».

А.А. Гриценко развивает далее свою концепцию: «Социально-временная теория стоимости служит методологическим основанием представительской теории денег, в соответствии с которой деньги – это представитель стоимости как эквивалента в обмене. Представление стоимости здесь должно пониматься не как мысленный образ субъекта, а как сложное соотношение ее материального и идеального бытия. Это идеальное бытие одного предмета (представляемого) в другом (представляющем)» [с. 325]. До сих пор считалось, что идеальное существует только в головах людей, но А.А. Гриценко обнаружил его новую форму – существование в неодушевленных предметах, хотя практического подтверждения наличия такой формы вряд ли удастся найти. Деньги, в соответствии с таким подходом, – это «идеальный» символ «в двух значениях, как нематериальный и как наиболее совершенный, достигший предельного соответствия своей сущности». Однако на практике реальные деньги прежде всего – это вовсе не идеальный символ, а материальные банкноты и разменные монеты, эмитируемые банками, хотя на их основе и построена расширяющаяся система безналичных расчетов, в том числе – «электронных денег», расчеты с использованием которых также материальны. «В деньгах, – пишет автор, – стоимость приобретает идеальную форму, хотя деньги имеют всегда материальный носитель» [с. 325]. На наш взгляд, данное положение нуждается в следующем уточнении: «Деньги – это определенный, общественно установленный «материальный носитель», отражаемый в головах людей как мера стоимости товаров». Цена, по мысли А.А. Гриценко, «выражает соотношение материального и идеального, она есть отношение материального к самому себе посредством идеального бытия в другом». «Описанный подход, – пишет автор, – можно назвать рефлексивной концепцией цены, которая опирается на социально-временную теорию стоимости и представительскую теорию денег» [с. 330]. В итоге у автора выходит, что стоимость, деньги, цена – не формы отношений между людьми, а формы отношений между вещами, наделенными человеческими способностями. Думается, что такое видение экономических форм лежит уже за рамками научного исследования.

Артемова Т.И. отмечает, что «...теория стоимости сегодня оказывается расколотой, и этот «раскол» провоцирует методологическую разобщенность трех основополагающих научных Журнал «Теоретическая экономика» №6, 2015

теорий (трудовой теории стоимости, неоклассического синтеза и неоинституционализма. – Н.В.) ... разобщенность основных течений современной экономической науки, их «замкнутость на себя», не идет на пользу ни одному из них: отображение объекта исследования даже в пределах собственного поля зрения оказывается здесь деформированным» [с. 333]. Особо негативно автор относится к марксистской теории стоимости. Она усматривает в ней «вопиющие логические противоречия», «логические пороки», которые «кроются в исходных постулатах марксизма», «свидетельствуют о несостоятельности марксовской стоимостной конструкции». По мнению Т.И. Артемовой, «вместо гармонии институциональной архитектоники, развернутой трудами Смита и Рикардо, в «Капитале» наблюдается диссонанс «бессодержательных» экономических форм» [с. 342]. Правда, аргументов в обоснование таких оценок у автора маловато, ... всего один. Он сводится к следующему утверждению: «Камнем преткновения в методологии трудовой теории стоимости является проблема трансформации стоимости в цену производства» [с. 333]. Этот довод противников марксизма, как известно, не нов. Он появился еще в конце 19 в., сразу после опубликования третьего тома «Капитала». Несостоятельность его неоднократно аргументировалась марксистами, начиная с Ф. Энгельса, и излагалась во всех советских учебниках политэкономии. Однако доводы марксистов, видимо, не интересуют Т.И. Артемову. Нам же представляется, что прежде, чем высказывать приведенные выше оценки марксизма, автору не помешало бы опровергнуть эти доводы. Голословные безапелляционные суждения вряд ли можно признать методом научной критики.

Т.И. Артемовой больше нравится теория А. Смита. Она привлекает ее тем, что в ней присутствует «сосуществование, по крайней мере, четырех различных толкований феномена экономической ценности:

- трудового обоснования стоимости;
- подхода, в соответствии с которым экономическая ценность определяется количеством купленного в свое распоряжение труда в обмен на товар;
- концепции издержек производства («аддитивной теории стоимости»), когда тремя источниками экономической ценности признаются заработная плата, прибыль и рента;
- истолкования с позиций времени труда, при котором стоимость обуславливается «той долей досуга, свободы и спокойствия», которой жертвует работник» [с. 335].

Несмотря на то, что перечисленные толкования стоимости, – как многократно указывали критики теории Смита, – исключают друг друга, автор считает, что «противоречивость методологии Смита оказывается лишь мнимой, кажущейся Более того, Смит ... заложил основы позитивно релятивистской теории экономической ценности как институциональной экономической теории в широком смысле» [с. 336]. Аргументы критиков теории Смита автор снова оставляет без внимания. Продолжателем дела Смита-Рикардо в разработке «Логики срединного пути», по мысли Т.И. Артемовой, является «концепция стандартного товара П. Сраффы, которая методологически сомкнула трудовую теорию стоимости, концептуальные подходы Дж. Кейнса, модель экономического равновесия Л. Вальраса, институциональную теорию цены А. Маршалла – то есть практически всю экономическую теорию в единстве ее маржинального, стоимостного и институционального методологических подходов». «Модель стандартного товара, – пишет автор, – можно считать одним из важнейших научных достижений XX в. на пути прояснения социально-экономических оснований теории относительности» [с. 350]. Не останавливаясь на этом далеко не бесспорном суждении автора, рассмотрим концепцию, предлагаемую самой Т.И. Артемовой.

В плане развития «Логики срединного пути» этот автор ставит задачу «подведения единой методологической платформы под каждый из названных теоретических подходов (трудовой теории стоимости, неоклассического синтеза и неоинституционализма. – Н.В.)», что, по ее мнению,

«одновременно снимает существующие здесь противоречия». «Конструктивным основанием такой платформы, – по мысли Т.И. Артемовой, – является понятие экономической ценности как блага» [с. 333]. «Мы, – пишет автор, – определяем экономическую ценность как экономическое благо (условие и результат человеческой хозяйственной деятельности), имеющее определенную полезную форму и выступающее в процессе общественного обмена в тройкой определенности стоимости, предельной полезности и цены». «Источниками экономической ценности, по мнению автора, выступают трудовая хозяйственная жизнедеятельность общества (в единстве труда физического и духовного – творчества) и относительная редкость (предельная полезность) блага (пространственно локализованная в каждый момент времени разнокачественная потребительная стоимость в форме благ, услуг, знаний, информации). Субстанцией отношений экономической ценности является бытие экономического пространства-времени, процесс исторического развертывания которого логически отображается во всем многообразии превращенных экономических форм (институтов) – предельной полезности, стоимости и цены, возникающих в процессе ценностного экономического выбора субъектов хозяйствования на различных его уровнях» [с. 334].

Позволим себе ряд критических замечаний в отношении концепции «экономической ценности».

1. В «тройкой определенности» «экономической ценности» не раскрывается, как взаимосвязаны стороны этой «определенности». По трудовой теории стоимости, цена – денежное выражение ОНЗТ (стоимости), которое под воздействием различных факторов отклоняется от точного соответствия стоимости. По теории предельной полезности, цена формируется как цена спроса (денежное выражение предельной полезности «предельного покупателя»). Иначе говоря, в соответствии с этими теориями конечным основанием цены являются совершенно различные субстанции. В одном случае – объективно определенная величина общественно необходимого рабочего времени; в другом – субъективная оценка полезности товара. Что же выражает цена в составе «экономической ценности»?
2. Если речь идет о предельной полезности блага, то она, как известно, неодинакова для различных потребителей, зависит от уровня их доходов и «предельной полезности» денег. Сколько потребителей – столько же и различных предельных полезностей. Поэтому включение предельной полезности в «экономическую ценность» делает последнюю совершенно не определенной. Здесь следует отметить, что категория предельной полезности используется в теории предельной полезности для объяснения формирования рыночных цен, а не как однозначно определенное свойство некоторого блага. При этом рыночная цена товара, по этой теории, и есть его «экономическая ценность».
3. Субстанцией стоимости служит рабочее время, «субстанцией» предельной полезности – степень субъективного удовлетворения от обладания товаром. А «субстанцией экономической ценности», по мысли Т.И. Артемовой, является «бытие экономического пространства-времени». Реальное пространство-время, как известно, имеет 4-х мерное измерение. Какое же измерение имеет «экономическое пространство-время», – это автором концепции не раскрывается? Вряд ли автору удастся вписать в «экономическое пространство-время» и соизмерить рабочее время и субъективные ощущения от обладания благом. Концепция «экономической ценности» представляется эклектической и неопределенной. Автору в разработке «Срединного пути» все же не удалось соединить несоединимое.

В.Н. Тарасевич ставит задачу создания «общей теории ценности (ОТЦ)» [с. 392]. Автором выделяются «ценностные отношения (ЦО)», «субстанцией и основанием которых» является «человеческая деятельность». Согласно гипотезе данного автора, «содержание ЦО в каждом сегменте жизнедеятельности суть противоречивое единство общей и особой составляющих. ...

В различных общественно-исторических условиях эти особые содержательные характеристики ЦО обретают соответствующие социально-экономические формы». Одной из таких форм являются стоимостные отношения [с. 396-397]. Как пишет автор, «субстанционально, ценность суть отношение представляемого субъектом, т. е. субъективного образа (в том числе, образца, идеала) реального объекта к самому реальному объекту. Оптимальный вариант такого отношения – соответствие реального объекта субъективному представлению о нем ... ценность является единством и синергией трех базовых элементов: 1) реальный объект; 2) субъективный образ (образец, идеал) этого объекта; 3) отношение соответствия между объектом и его субъективным образом» [с. 398]. Приведенная автором трактовка ценности не содержит каких-либо определенных общественных отношений, это – отношение некоего субъекта к объекту. Однако В.Н. Тарасевич отмечает, что субъективная оценка ценности всегда предполагает определенные общественные отношения и в этом смысле имеет конкретно-историческую определенность [с. 398–399].

Выделяя различные секторы «ценностных отношений», автор ставит перед собой задачу исследовать наименее изученную из них – «непосредственно очеловечивающую деятельность (НОД)». Под ней он понимает воздействие одного субъекта на другого и/или воздействие субъекта на самого себя [с. 406]». (На привычном языке под «НОД» понимается оказание некоторых видов личных услуг и занятие самосовершенствованием.) Результатом «НОД», по мысли автора, являются «вчеловеченные», т.е. «воплощенные в самом человеке» «сущностные человеческие силы (СЧС)» [с. 407]. Причем «НОД» имеет две стороны: «биоочеловечивающую и социоочеловечивающую». В.Н. Тарасевич пишет: «... результатом биоочеловечивающей деятельности (НОДбо) являются физиобиологические СЧС (СЧСфб), а социоочеловечивающей – интеллектуально-социальные СЧС (СЧСис). ССЧС суть противоречивое единство СЧСфб и СЧСис подобно тому, как НОДбо и НОДсо – противоречивые составляющие НОД. Соответственно, ценность ССЧС является единством ценности СЧСфб и ценности СЧСис» [с. 408–409]. Как полагает данный автор, «экономическая ценность» «СЧС» представляет собой единство «затратностной ценности» и «полезностной ценности». «Затратностная ценность» – это ценность «СЧС», расходуемых в процессе «НОД», а «полезностная ценность» – ценность «СЧС», создаваемых в процессе «НОД» [с. 409]. По аналогии с конкретным и абстрактным трудом В.Н. Тарасевич выделяет две стороны «НОД»: «С одной стороны, конкретная составляющая НОД, или конкретно очеловечивающая деятельность (НОДк), как расходование СЧС в их конкретной, особой целесообразной форме, сообщает вновь создаваемым СЧС (далее – новая группа СЧС – НГСЧС) вполне определенные качественные характеристики и таким образом формирует полезностную ценность этих новых СЧС (ЦПНГСЧС). С другой стороны, общеочеловечивающая деятельность или очеловечивающая деятельность вообще (НОДоб), как расходование СЧС в физиологически – биологическом смысле, образует затратностную ценность НГСЧС (ЗЦНГСЧС). Таким образом, ценность НГСЧС (ЦНГСЧС) предстает противоречивым единством ПЦНГСЧС и ЗЦНГСЧС» [с. 409].

В затраченных «СЧС» автором выделяются «прошлые» и «живые» «СЧС», результатом «прошлых СЧС» являются «накопленные СЧС», а «живых» – «текущие СЧС» [с. 410]. В.Н. Тарасевич также различает «прямые» и «косвенные СЧС». В свою очередь, как пишет автор, «прямые и косвенные СЧС могут быть основными, подготовительными, вспомогательными и сопутствующими» [с. 409]. Автор также полагает, что результаты «НОД» должны возмещать затраты, т.е. создаваемые «СЧС» должны покрывать израсходованные: «... для продолжения НОД, – пишет В.Н. Тарасевич, – в следующем цикле затраченные СЧС и субъекта, и объекта должны быть восстановлены, их затраты – возмещены... возмещение предполагает обмен НГСЧСо и НГСЧСс на потребные для такого возмещения опредмеченные и очеловеченные СЧС» [с. 417, 419]. Причем в этом обмене должна соблюдаться строгая эквивалентность: сколько «СЧС» затрачено, столько и возмещено. Более того, поскольку обмен – общественное отношение, то, как считает указанный

автор, «в данный отрезок времени величина общественных затрат на производство продуктов опредмечивания и очеловечивания фиксирована и соразмерна общественной полезности этих продуктов» [с. 424]. Изложенные общие положения своей концепции автор детализирует с учетом различий в содержании «НОД».

Представленные положения «общей теории ценности», на наш взгляд, имеют ряд уязвимых мест. Прежде всего это касается самого понятия «ценностных отношений». Объектом этих отношений, по мысли В.Н. Тарасевича, являются «вчеловеченные СЧС», которые могут складываться, эквивалентно возмещаться, обмениваться, иначе говоря, – количественно соизмеряться. Раз так, то что служит субстанцией этого соизмерения? Например, что делает количественно соизмеримыми «вчеловеченные» «интеллектуально-социальные СЧС», имеющие многообразные формы проявления (полученные знания, навыки, развитые способности). А каким образом соизмеряются между собой «физио-биологические СЧС», с одной стороны, и «интеллектуально-социальные СЧС», – с другой? Тезис автора о том, что «субстанцией ЦО» является «человеческая деятельность», ничего не проясняет, поскольку человеческая деятельность многогранна и качественно разнородна, непосредственно не сводима к чему-то однородному. Если «СЧС» качественно разнородны, то, на наш взгляд, рассмотрение их как количественно измеримых трудно признать корректным. По-видимому, В.Н. Тарасевич полагает, что соизмеримыми «СЧС» делает их «ценность». Но «ценность» определяется им как субъективная оценка степени соответствия образа объекта, – т.е. «СЧС», – самому объекту (тем же «СЧС»). Такое понимание «ценности» никоим образом не делает их количественно соизмеримыми. Например, субъект в ходе урока физики приобрел знание закона всемирного тяготения. Как оценить полученные им «СЧС», с каким образом нужно сравнить приобретенные знания? После урока физкультуры тот же субъект получил дополнительные «физио-биологические СЧС», – улучшил свои показатели в беге на 100 м. С каким образом нужно сравнить эти приобретенные «СЧС»? Допустим, что субъект полностью удовлетворен результатами и урока физики, и урока физкультуры. Степень соответствия образа объекту = 100%. Но как тогда сравнить результаты этих уроков между собой? У какого урока больше ценность, почему, на сколько, каких единиц? С другой стороны, учителя физики и физкультуры могут оценить приобретенные субъектом «СЧС» в других процентах «соответствия образу». Чья оценка ценности тогда будет более верной? Возможно, также и оценка родителями тех же результатов, оценка одноклассниками и т.д. и т.п. Сколько субъектов – столько и оценок ценности одних и тех же «СЧС».

Не является определенной и «затратностная ценность» «СЧС», которая образуется «очеловечивающей деятельностью вообще (НОДоб)» и, по мысли автора, представляет собой «расходование СЧС в физиологически – биологическом смысле». Во-первых, не ясно, почему «очеловечивающая деятельность вообще» сводится к «расходованию СЧС в физиологически – биологическом смысле» и не учитывает «интеллектуально-социальную» составляющую СЧС? Неужели для ценности затрат не имеет значения, какой квалификации и профессии «СЧС» расходовались? Во-вторых, не понятно, чем измеряется «расходование СЧС в физиологически – биологическом смысле». Видимо, можно предположить, что их мерой служат время «человеческой деятельности» и его интенсивность. Но даже если это так, то «затратностная ценность» не становится определенной. Ведь в зависимости от исполнителя «человеческой деятельности» на получение одного и того же результата потребуются разное количество затрат и столько же разных оценок «соответствия» этих затрат их «образу».

Видимо, для того, чтобы каким-то образом решить вопрос о соизмеримости «СЧС», В.Н. Тарасевич использует понятие «общественной ценности», но не объясняет, как формируется эта ценность, или чья субъективная оценка ценности считается «общественной ценностью». Это, на наш взгляд, не случайно, поскольку используемое В.Н. Тарасевичем понятие «ценности» в принципе исключает понятие «общественная ценность». Используется автором и понятие

«общественных затрат», величина которых «фиксирована и соразмерна общественной полезности ...продуктов». При этом автор не раскрывает механизм измерения и фиксации «общественных затрат»: кто их измеряет и фиксирует, на каком уровне, в каких единицах. То же касается и «общественной полезности», а также механизма установления ее соразмерности с «общественными затратами».

Сказанное, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о том, что теоретические построения В.Н. Тарасевича не являются достаточно обоснованными. Главной причиной этого, как нам представляется, является попытка автора использовать абстрактно-всеобщие понятия, не имеющие какого-либо определенного экономического содержания, не привязанные ни к каким производственным отношениям, ни к каким отношениям присвоения. А экономическая наука, как уже говорилось, изучает производственные, – т.е. исторически определенные, – отношения. Автор поставил задачу изучить отношения в сфере услуг и саморазвития людей. Но эти отношения суть лишь один из аспектов системы производственных отношений. Поэтому они могут быть поняты лишь как элемент этой системы, а не вне ее, хотя и находятся «по ту сторону материального производства». Любая попытка анализа этих отношений в отрыве от общей системы производственных отношений, отношений присвоения, на наш взгляд бесплодна.

(Окончание в одном из следующих номеров).

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ГОРДЕЕВА В.А., КЛАДОВОЙ А.А. «МОДИФИКАЦИЯ КОНКУРЕНЦИИ В РФ (НА ПРИМЕРЕ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА)»

Усик Нина Ивановна

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики», кафедра финансового менеджмента и аудита, действительный член Академии философии хозяйства, академик Международной академии холода
г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: nius50@yandex.ru

Монография «Модификация конкуренции в РФ (на примере банковского сектора)» подготовлена доктором экономических наук, профессором кафедры «Экономика и управление», главным редактором журнала «Теоретическая экономика» ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», действительным членом Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, зарубежным членом Академии Metaepistemia Universum В.А. Гордеевым и А.А. Кладовой, соискательницей ученой степени кандидата экономических наук. Рецензируемая монография посвящена различным аспектам модификации конкуренции в Российской Федерации на примере происходящих в отечественном банковском секторе изменений.

Актуальность монографического исследования объясняется необходимостью проведения анализа и роли конкуренции в отраслевом развитии, а также в банковском секторе. Глобальная пространственная структуризация в отраслях и сферах использует новые методы ухода от мер воздействия антимонопольного законодательства. Так, например, используются методы антиконкурентного эффекта для укрупнения и реструктуризации бизнеса [1].

Конкуренция и конкурентоспособность в настоящее время – очень востребованные понятия, с которыми на протяжении времени происходят модификации. Конечно, конкурентоспособность определяется достигнутыми конкурентными преимуществами. Поэтому рассмотрение модификации конкуренции (борьбы за конкурентные преимущества), несомненно, актуально. Вместе с тем, включение в понятие конкурентоспособности банка его потенциала [2, с. 51], на наш взгляд, не соответствует реальности, так как любой потенциал должен быть реализован.

Во введении монографии, на основе высказываний ведущих ученых, а также рейтинга конкурентоспособности Всемирного экономического форума аргументируется актуальность исследования модификации конкуренции в банковском секторе российской экономики, говорится о цели монографии как преодоления указанных недостатков в осмыслении экономистами данной темы. Однако в последующем тексте монографии, на наш взгляд, отмеченная цель не нашла достаточно полного отражения. Поэтому следовало бы скорректировать эту часть введения, а сейчас можно свидетельствовать о том, что цель в полном объеме не достигнута. В связи с этим предлагается продолжить исследования и опубликовать их.

Читатели монографии оценят исторический экскурс, объясняющий «традиционное для неоклассической парадигмы представление о конкуренции как об элементе – одном из важнейших – рыночного механизма, которое основывается на идеях А. Маршалла (1842–1924)». Отмечается в книге, что сам ученый отмечал неудовлетворительность термина «конкуренция» как не вполне пригодного для характеристики специфических черт индустриальной жизни современной для него эпохи в силу «отягощенности» этого термина негативными ассоциациями с вредом, наносимым обществу даже созидательной формой конкурентной борьбы. Более предпочтительным для А. Маршалла представлялся термин «свобода производства и предпринимательства» («экономическая свобода»), отражающий характерные для торговли и промышленности того периода большую самостоятельность, большую предусмотрительность, более трезвый и свободный выбор решений [2, с. 12].

Дальнейшее объяснение сущности термина «конкуренция» в неоклассической парадигме относится к определяющей структуре рынка модели, используемой для предсказания поведения на определенном рынке. Подобный подход обуславливает и то, какое содержание современные представители неоклассической школы экономической мысли вкладывают в категорию «конкурентная среда». Наиболее общим для западных представителей рассматриваемого направления является представление о конкурентной среде как о структуре рынка, определяемой, в первую очередь, количеством экономических агентов, функционирующих на данном рынке. Более развернутая западная неоклассическая концепция конкурентной среды – это модель пяти основных конкурентных сил, разработанная Майклом Портером. В соответствии с данной моделью, конкурентными силами, составляющими конкурентную среду рынка (у М. Портера – отрасли), являются следующие: угроза вхождения на рынок новых участников; угроза появления субститутов; рыночная власть покупателей; рыночная власть поставщиков; соперничество между действующими конкурентами [2, с. 13].

Последующее изложение точек зрения на конкурентную среду отечественных ученых свидетельствует о высокопрофессиональных познаниях авторов в данной области знания. Вместе с тем, остался без ответа вопрос, как это увязывается с реальной экономической ситуацией (введение не в счет).

Рассмотрев отсутствие в неоклассических концепциях четкого сущностно-содержательного описания соотношения, взаимосвязи между категориями «конкурентная среда» и «конкуренция», Гордеев В.А. и Кладова А.А. обуславливают необходимость восполнения возникающих в связи с этим «пробелов» в целях формирования комплексного представления о конкурентной среде рынка в целом и об ее особенностях применительно к отдельным рынкам и секторам экономики [2, с. 16]. Институциональный подход также получил подробный анализ позиций различных авторов с выводом: конкурентная среда, по сути, в данном подходе предстает в качестве условий для функционирования конкуренции, создаваемых неконкурентными средствами [2, с. 17].

Рассмотренные в монографии неоклассические позиции и институциональный подход к определению сущности и структуры категории «конкурентная среда» при всех его несомненных достоинствах обладает определенными недостатками. В частности, в большинстве позиций, сформулированных в рамках рассматриваемого направления, не проводится четкая грань между элементами структуры конкурентной среды и факторами ее формирования, нет однозначного описания того, как конкурентная среда рынка соотносится с конкуренцией на нем, отмечается определенная «размытость» и порой недостаточная формализованность формулировок, а также (последнее, впрочем, характерно и для неоклассического подхода) нет единообразного толкования того, имеет ли конкурентная среда границы и что именно может выступать в качестве таких границ.

Вывод вполне определен: «несмотря на выделенные положительные аспекты двух мейнстримовых теоретико-методологических подходов экономической науки к толкованию

сущности и структуры категории «конкурентная среда», присущая указанным подходам некоторая ограниченность объективно обуславливает необходимость исследования рассматриваемой категории на основе иного направления экономической мысли, которое позволило бы, «вобрав» в себя преимущества неоклассических и институциональных взглядов, но отталкиваясь от иных «опорных точек», преодолеть данные ограничения и, таким образом, в конечном итоге развить теорию конкуренции» [2, с. 19]. Последующее предложение, что «в качестве фундаментальной базы должна выступать политическая экономия, не утратившая актуальность, несмотря на активное вытеснение ее с ведущих позиций неоклассической школой экономической мысли» [2, с. 19], обосновывается следующими возможностями. «Опираясь на сущностную характеристику конкуренции как процесса, мы рассматриваем конкурентную среду как постоянно трансформирующуюся внешнюю сторону преимущественно антагонистических производственных отношений между хозяйствующими субъектами на основе их стремления к максимизации прибыли и к обеспечению наилучшего и максимально устойчивого положения на рынке. Трактующая таким образом конкурентная среда в качестве своих основных элементов имеет не факторы, а фактически сложившиеся параметры субъектного состава конкурентной борьбы на данном рынке, совокупность методов конкуренции, применяемых субъектами, а также объект конкуренции, понимаемый как сложная многоаспектная категория, по поводу которой субъекты вступают в антагонистические производственные отношения» [2, с. 22]. На наш взгляд следовало бы объяснить сущность производственных антагонистических отношений, поскольку не вся целевая аудитория знакома с этими понятиями.

Различное понимание одних и тех же категорий случается у многих исследователей. В качестве максимально приближенного к универсальному предлагается «следующее определение субъектов конкуренции как элемента конкурентной среды рынка: субъекты конкуренции – это оперирующие на рынке с четко определенными продуктовыми, географическими и временными границами субъекты, реализующие идентичный или максимально схожий продукт и на основе стремления к максимизации своей прибыли находящиеся в преимущественно антагонистическом взаимодействии с целью занять наилучшее и устойчивое положение на рынке» [2, с. 23]. Данная пространная цитата свидетельствует об односторонности взглядов на конкуренцию: только с точки зрения покупателей и продавцов, без учета интересов других акторов отрасли.

Дальнейшее исследование заявленной темы модификации конкуренции основывается на разработках гарвардских ученых 1940–1960 гг.: указано, что в основе разработанной теорией отраслевых рынков структурного подхода лежит парадигма «Структура – Поведение – Результат» (Structure – Conduct – Performance, SCP), или «Гарвардская парадигма», предполагающая наличие взаимосвязи между структурой соответствующего отраслевого рынка и поведением его участников. Исторический экскурс позволяет показать эволюцию понятия конкуренции примерно за 90 лет, свидетельствуя о некоторой степени односторонности с позиций структурного подхода.

Уровень банковской конкуренции, в основном, опирается на неструктурный подход в рамках эмпирической теории отраслевых рынков. Указывается на ограниченность структурного подхода, когда многие исследования опирались на небольшое количество сводных данных по отраслям, не всегда адекватно отражавших значимые экономические показатели. Указывается на то, что сторонники новой эмпирической теории организации отраслевых рынков сочетают в себе концептуальную ясность, свойственную экономической теории, с обоснованными и убедительными эмпирическими оценками конкурентной ситуации в отрасли [2, с. 27].

Другой, неструктурный, подход к оценке конкуренции подразумевает, что для аппроксимации уровня конкуренции используются не показатели рыночной концентрации, а показатели поведения оперирующих на рынке субъектов, рассчитанные на основе соответствующих данных микроуровня. Этот подход в монографии предоставляет более адекватные неоклассические инструменты оценки

фактически сложившихся параметров субъектного состава как элементов конкурентной среды того или иного рынка.

Как показано в рецензируемой монографии, неструктурная оценка уровня конкуренции может осуществляться с помощью методов прямого и косвенного оценивания. Ведущим методом прямого оценивания является индекс Лернера, а косвенное, как правило, осуществляется с помощью показателя Н-статистики, рассчитываемого в рамках модели Панзара-Росса. Оба показателя предполагают оценку рыночной власти игроков данного рынка по степени их отклонения от конкурентного ценообразования.

Неструктурный индекс, позволяющий напрямую оценить уровень монопольной власти в той или иной отрасли, был впервые предложен в научной работе А. Лернера в 1934 г. Определив потери общества от монополии, как разность между ценой и предельными издержками (в отличие от традиционного на тот момент представления о них как о разности между ценой и средними издержками), Лернер сместил акцент внимания ученых с прибыли монополиста на аллокативную неэффективность, вызванную погоней за этой прибылью. По мнению Лернера, чем больше разница между ценой и предельными издержками, тем выше уровень монопольной власти фирмы. Критерием для оценки монопольной власти и ее экономических последствий для общественного благосостояния Лернер считал «общественный оптимум, который достигается в условиях совершенной конкуренции» [2, с. 28]. Индекс Лернера, по своей сути, является мерой отклонения фирмы от общественного оптимума. Недостатком расчета этого индекса является то, что, при оценке отклонения от общественного оптимума фирм с растущим объемом производства неправильным будет приписывать всю величину отклонения проявлению монопольной власти.

В рецензируемой монографии анализируется разработанная в 1980-е гг. модель Д. Панзара и Д. Росса, оценивающая соответствие поведения фирм неоклассическим моделям совершенной конкуренции, монополистической конкуренции или монополии. Эта модель исследует влияние изменения цен факторов производства на уровень прибыли банков. В отличие от индекса Лернера, позволяющего оценить как степень монопольной власти отдельно взятого субъекта конкуренции, так и уровень конкуренции на конкретном рынке в целом, модель Панзара-Росса направлена исключительно на общую оценку уровня конкуренции на том или ином рынке [2, с. 29].

Третий показатель оценки конкурентной среды рынка Н-статистики, несмотря на свои преимущества перед индексом Лернера и структурными показателями уровня конкуренции, имеет достаточно ограниченные информативность и сферу применения. Тем не менее, в последние годы расчет именно данного показателя является наиболее популярным в рамках неструктурных методов оценки уровня конкуренции на различных рынках отдельных стран и групп государств.

В экономической литературе выделяются ценовые и неценовые методы, а также арсенал выделенных и описанных экономической наукой методов конкуренции в рамках мейнстримовых концепций предполагает классификацию на прямые и косвенные, добросовестные и недобросовестные методы и ряд иных.

Критерий «добросовестности» применительно к выделенным в книге антагонистическим производственным отношениям между хозяйствующими субъектами в тех или иных национальных пределах – это, с одной стороны, инструмент выравнивания конкурентных позиций субъектов конкурентной борьбы с позиций экономической справедливости, а с другой – инструмент влияния государства на то, что именно в данных конкретно-исторических условиях считается «экономически справедливым». Антимонопольная политика государства, как следствие, способна одновременно служить и во благо цивилизованного характера конкурентных взаимодействий на национальных рынках, и являться способом достижения государством собственных целей, которые зачастую противоречат целям национальной экономики.

Указывая на получение инсайдерами и аутсайдерами информации по тому или иному рынку, авторы монографии, считаю, не акцентируют внимание на антимонопольной политике мэйстримовского типа, как антиконкурентной для целей развития экономики анализируемых стран.

Теоретическая основа конкуренции дополнена в рецензируемой книге анализом модели Ханта Ш. «ресурсы-преимущества», в которой основной целью фирм на рынке является «превосходящий финансовый результат», вследствие чего рыночные агенты вступают в конкурентную борьбу по поводу обладания ресурсами как доступными материальными и нематериальными объектами, позволяющими им рационально и / или эффективно создавать и предлагать на рынке продукт, имеющий ценность для какого-либо рыночного сегмента [2, с. 35]. Преимущественное положение на рынке – не конечный объект конкуренции, а промежуточный этап на пути субъектов-антагонистов к его достижению. С этой позицией Ханта Ш. в основном согласны авторы монографии. На взгляд рецензента, следовало этот теоретический анализ дополнить отраслевыми исследованиями М. Портера последнего десятилетия.

Формулировка В.А. Гордеевым и А.А. Кладовой определения конкурентной среды включает элементы эндогенного каркаса конкурентной среды рынка, с одной стороны, которые находятся под влиянием экзогенного каркаса, а с другой, – определяются тем, каковы специфические характеристики ключевого для данного рынка продукта, а также особенностями реализующих данный продукт рыночных агентов, которые принимают решение участвовать в конкурентной борьбе на таком рынке. По сути, эндогенный каркас рыночной конкурентной среды порождается самим рынком и, формируясь под воздействием его особенностей и параметров экзогенного каркаса, сам порождает специфику входящих в структуру конкурентной среды элементов. Как и экзогенный, каркас данного типа может быть структурирован лишь приблизительно, однако в качестве его обязательных составных частей в монографии рассматриваются географические, продуктовые и временные границы данного рынка, свойственный ему в тот или иной момент тип рыночной структуры, а также размеры и конкурентоспособность оперирующих на данном рынке рыночных агентов. Эти замечания вполне справедливы, но не учитывают процессы глобализации, локализации бизнесов, образования группировок отдельных государств для защиты своих интересов.

Характеристика конкурентной среды банковского рынка в монографии во многом основана на структурном подходе, хотя на стр. 27 указывалось на ограниченность этого подхода и анализировался неструктурный подход. Указывается на смешение содержания категорий «конкурентная среда» и «пространство конкуренции», подменяемого первым вторым, а также искусственное отграничение категории «конкурентная борьба» от термина «проявление конкуренции» [2, с. 40]. В целом проведенный анализ научных дискуссий по поводу понятий «конкуренция» и «конкурентная среда» в банковском секторе следовало бы дополнить теорией кредита (см., например, Соколов Б.И.), разрабатываемой в ведущих российских финансовых университетах. Справедливым является замечание к ученым-исследователям конкуренции и конкурентной среды в банковском секторе о необходимости субъектно-объектного анализа.

При формулировке общей модели структуры конкурентной среды банковского рынка предлагается придерживаться узкого взгляда на субъектный состав банковской конкуренции, включающий исключительно коммерческие банки, оперирующие на том или ином банковском рынке, и, соответственно, понимая банковскую конкуренцию в общем случае как внутритраслевое явление [2, с. 45] на основе принципа методологического индивидуализма.

Логическая последовательность изложения материалов исследования, на взгляд рецензента, в монографии отразилась как проявление элементов экзогенного и эндогенного характера (трактовка конкурентной среды В.А. Гордеевым и А.А. Кладовой) при рассмотрении конкурентной среды банковского сектора, включая элементы структуры ее модели [2, с. 48].

Отмечая наибольшую сложность в исследовании и характеристике эндогенного каркаса банковского рынка, В.А. Гордеев и А.А. Кладова показывают такой его элемент, как конкурентоспособность функционирующих на данном рынке банков. Категория «конкурентоспособность» – одна из дискуссионных категорий в теории конкуренции, трактуемая неоднозначно как представителями различных течений экономической мысли, так и сторонниками одного течения, но применительно к различным рынкам и экономическим субъектам. Разнообразные толкования сущности конкурентоспособности экономических субъектов в современной экономической науке, как правило, сводятся к рассмотрению ее с трех точек зрения: как конкурентной позиции (результативная конкурентоспособность); как конкурентного потенциала (ресурсная конкурентоспособность); как конкурентной стратегии (инструмент конкуренции), представляющей собой операционную (функциональную) конкурентоспособность [2, с. 50].

Категория конкурентного потенциала по своему содержанию отражает совокупность всех ресурсов, используемых или доступных для использования экономическим субъектом в рамках конкурентной борьбы. Достижение рыночным агентом желаемой конкурентной позиции на рынке определяется наличием у него тех или иных конкурентных преимуществ, которые, в свою очередь, возникают вследствие применения определенных методов конкуренции, фактически направленных на создание, развитие и реализацию конкурентного потенциала субъекта. Будучи взятыми в комплексе, такие методы составляют конкурентную стратегию субъекта. Таким образом, перечисленные выше три аспекта категории «конкурентоспособность» как сложные элементы эндогенного каркаса конкурентной среды рынка не существуют обособленно друг от друга, а образуют органическую систему, с одной стороны, определяющую характеристики субъектного состава и арсенал методов конкурентной борьбы на данном рынке как структурные составляющие его конкурентной среды, а с другой – подвергающуюся трансформации под воздействием конкурентной среды в дальнейшем [2, с. 50].

Проанализировав недостатки ряда типичных определений сущности категории «конкурентоспособность банка», авторы монографии предлагают рассматривать ее как систему конкурентных преимуществ банка, формирующуюся в результате эффективной реализации банком своего конкурентного потенциала и позволяющую банку занять желаемую для него конкурентную позицию на банковском рынке в целом или на его отдельных сегментах [2, с. 52]. На взгляд рецензента, получилось определение конкурентоспособности через другую категорию – конкурентный потенциал.

Исходя из предложенного в монографии определения конкурентной среды банковского рынка и модели ее структуры, дается определение сущности банковской конкуренции: банковская конкуренция – это система антагонистических производственных отношений между коммерческими банками по поводу максимизации ими своей прибыли от присутствия на банковском рынке и / или достижения и поддержания их наилучшего и устойчивого положения на данном рынке. Указанное определение соответствует общему случаю банковской конкуренции и не учитывает особенности конкуренции – и, соответственно, конкурентной среды как ее внешнего проявления – на конкретных национальных банковских рынках, складывающиеся под воздействием конкретно-исторических условий их функционирования. В случае, если подобные особенности являются столь ярко выраженными, что приводят к значительным отклонениям структуры конкурентной среды таких банковских рынков от построенной общей модели, то есть основания говорить о модификации конкуренции на указанных рынках [2, с. 52–53].

В п. 1.2 «Трансформация конкурентной среды банковского сектора в РФ» проводится субъектный анализ ее элементов. Неоднородность субъектного состава исследуется с позиций количества зарегистрированных кредитных организаций по федеральным округам, величине

зарегистрированного уставного капитала, типу собственника. Отмечается, что более половины всех зарегистрированных банков находится в Центральном федеральном округе [2, с. 54–56], это представлено в графическом варианте на первое апреля 2015 г.

Для субъектного состава конкурентной среды российского банковского рынка в большей степени свойственно численное преобладание банков, которые условно могут быть отнесены к категориям мелких и средних по величине собственных средств. Третьим и наиболее значимым непосредственно для исследования в данной монографии аспектом неоднородности входящих в субъектный состав конкурентной среды российского банковского рынка кредитных организаций является их неоднородность по типу собственника [2, с. 66].

В основе простого подхода к выделению государственных банков в российском банковском секторе лежит критерий социально-экономической роли таких банков, воздействия, которое включаемые в данную категорию кредитные организации играют как в рамках указанного сектора, так и – более глобально – в рамках национальной экономики. В основе сложного подхода, напротив, лежат не соображения влияния банков на экономику и ее отдельные сферы, а критерий наличия и степени контроля государства за деятельностью таких банков. По-видимому, выбор того или иного из указанных способов должен определяться целями, стоящими перед исследователем [2, с. 67].

На основе расчета индекса Лернера, использования модели Н-статистики и модели Панзара-Росса сделаны расчеты конкурентной среды в банковском секторе РФ. К сожалению, применение на практике неоклассических методов анализа не включило результатов изучения отрасли по М. Портеру [2, с. 74–78]. На взгляд рецензента, следовало бы учесть реальную ситуацию, сложившуюся с 2008 г. по 2010 г., а также применение санкций мирового сообщества к РФ с 2014 г. Многомиллиардные дотации банковскому сектору РФ в эти годы для повышения его капитализации свидетельствуют не о создании конкурентной среды в этой сфере. На стр. 80–81 при расчете переменных необходимо было учесть указанный антиконкурентный эффект, используемый конкурентной политикой РФ [2, с. 1] в отношении банковского сектора экономики.

Кроме того, банковский сектор РФ не в полной мере исполняет функции, возлагаемые на него в рыночной экономике, а именно: краткосрочное и долгосрочное кредитование реального сектора экономики, аккумуляция денежных средств предприятий и населения в целях инвестиций, но не в финансовый сектор и валюту, а на социально-экономическое развитие страны, поддержки неоиндустриализации, внедрения инноваций для технологического прорыва в глобальном мире.

В зависимости от использованной модели в монографии на стр. 88 делается вывод о том, что для группы подконтрольных государству банков в России характерно состояние либо монополистической конкуренции, либо картеля (монополии). Аналогичным образом взаимоисключающие выводы могут быть сделаны применительно и к группе контролируемых частным отечественным капиталом банков, и к крупным кредитным организациям. Более того, уравнение процентных доходов указывает на то, что для банковской отрасли России характерна монополистическая конкуренция, тогда как в силу значения Н-статистики, полученного при оценке уравнения совокупных доходов, сектор существенно ближе к состоянию совершенной конкуренции.

В данной ситуации выбор варианта модели Панзара-Росса, более адекватно отражающего состояние конкуренции на современном российском рынке банковских услуг, следует делать на основе сопоставления интерпретации полученных значений Н-статистики с интерпретацией рассчитанных в отношении той же выборки значений индекса Лернера. Учитывая, что в научной литературе отсутствует единый подход к тому, как следует оценивать результаты расчета индекса Лернера, лежащие между крайними его значениями, в настоящем исследовании такие значения

интерпретированы как состояние монополистической конкуренции на банковском рынке по аналогии со шкалой для модели Панзара-Росса.

Для выявления конкурентной среды в банковском секторе на стр. 90 сделан вывод, что в целом на основе сопоставления полученных результатов неструктурной оценки модель уравнения процентных доходов дала большее количество совпадений с результатами оценки индексов Лернера, чем модель совокупных доходов банка. В то же время использование уравнения процентных доходов для оценки уровня конкуренции в группе подконтрольных государству банков дало результат, не совпадающий по своему смысловому значению как с соответствующим значением показателей индекса Лернера, так и с выводами других научных работ. Это указывает на существование внутри российского банковского сектора монополии в виде объединенных одной из форм монополистического соглашения – картелем – группы контролируемых государством банков.

В монографии сделан вывод о том, что банки с государственным участием или подконтрольные государству могут рассматриваться в качестве воплощения государства как единого субъекта конкуренции, находящегося в антагонистических производственных отношениях по поводу максимизации прибыли и упрочения своей рыночной позиции с прочими субъектами банковской конкуренции [2, с. 90–91]. Рецензент придерживается иной позиции, не смешивая неоклассический и институциональный подход на развивающихся рынках и признавая наличие поддерживающего антиконкурентный эффект для защиты национальной эффективной экономики в глобальном мире, а не антагонистических производственных отношений. Вместе с тем, вывод в монографии о естественном следствии формирования и поддержке государством подконтрольных ему банков, как единого субъекта конкурентной среды, и положение лидерства (то есть статус инсайдера) на банковском рынке России и, таким образом, центральная роль (роль ядра) указанных банков на рассматриваемом рынке [2, с. 91], имеет, на мой взгляд, научную ценность.

Основой для анализа конкурентной среды в банковском секторе выступает субъектный подход: банки – субъекты конкуренции, в том числе государственные и подконтрольные ему. Авторы отмечают, что «само государство находится в антагонистических производственных отношениях с кредитными организациями, относящимися к прочим двум категориям субъектов, кредитным организациям из указанных двух категорий свойственна своеобразная двухуровневая конкуренция, что, служит дополнительным фактором, отягчающим их конкурентные позиции на рынке, поскольку отвлекает часть «мощностей» конкурентной борьбы, которыми обладают данные кредитные организации, и вынуждает их усложнять и расширять свои конкурентные стратегии ввиду разнообразия противостоящих им соперников» [2, с. 92].

Проведенный в монографии анализ, рассматривая государство и его действия на российском банковском рынке через призму методологического индивидуализма и, следовательно, «в терминах индивидуального поведения», на основе неоклассических неструктурных методик, авторы выделяют трансформацию субъектного состава конкурентной среды в рассматриваемом секторе и, соответственно, трансформацию набора целей-объектов, преследуемых ведущим субъектом данного состава в рамках его присутствия в банковском секторе как основные аспекты модификации конкуренции в нем [2, с. 92].

На взгляд рецензента, во-первых, к государству не вполне можно относить методологический индивидуализм, в терминах индивидуального поведения. К нему можно подходить с институциональных позиций. Во-вторых, только на основе неоклассических неструктурных методик представляется неправомерным делать выводы, поскольку в научном анализе необходимо использовать как минимум два подхода. Видимо, субъектно-субъектный анализ не подходит для исследования отношений между различными институтами в рамках эндогенного и экзогенного каркаса.

Хотя на стр. 97 авторы монографии отмечают иной подход: эмпирическое исследование аспектов эволюции банковской конкуренции в России в русле предложенных политэкономической концепцией двух направлений общего характера будет, напротив, исходить в основном из неоклассических методов применительно к анализу первой из тенденций и осуществляться преимущественно на основе неинституционального подхода применительно ко второй из них. Такая противоречивость подходов, а также использование политэкономического метода означает полиметодологическое исследование. Вместе с тем, авторы монографии делают уклон на эмпирическое исследование, результатом которого может стать маркетинговый подход, а не рассмотрение проблемных вопросов модификации конкуренции в банковской сфере. Уклон в анализ конкурентной среды в банковском секторе свидетельствует о недостатках в разграничении этих понятий.

Обращает особое внимание исследование особенностей теоретических взглядов на конкуренцию и монополию начала прошлого века, то есть период становления и развития капитализма. В России начавшийся процесс восстановления капитализма (ведущей роли капитала в экономике) также связан с процессами конкуренции и концентрации в отдельных отраслях с выделением вертикальной и горизонтальной конкуренции [2, с. 131–133].

На взгляд рецензента, следовало бы обратить внимание на цели развития страны и роль в нем банковского сектора. Например, инновационную по характеру новую индустриализацию России на современном этапе. В связи с этим рассмотреть выводы М. Портера и А. Риха об угасании конкуренции в концентрированных структурах, в том числе в кластерах, внедряющих инновации. Желание сохранить конкурентные позиции с момента устаревания инноваций приводит к угасанию конкуренции. Поскольку банковский сектор призван обеспечивать реальный сектор экономики инвестициями, а на самом деле, в большей степени, обслуживает финансовый и валютный сектора, то выводы по конкуренции в банковском секторе были бы более близки к целям. Так, на стр. 133 указывается на такую роль государства в активах банка, как признаки кризиса: в период кризисов доля государства увеличивается. Если исходить из государственной позиции, то такая роль оправдана.

Мировой финансовый кризис 2008 г. показал, что основной механизм развития банковского сектора отличается от практики развитых стран. На стр. 138 отмечается, что в России неизбежность развития системного кризиса была предопределена сложившимися в 2000-х годах механизмами финансирования банков и предприятий, предложения денег, ценообразования на финансовом рынке. Банк России эмитировал рублевые средства под аккумуляцию иностранной валюты в официальных резервах. Сокращение экспортной выручки российских экспортеров в результате падения мировых цен привело к относительному сжатию денежной массы. Повышение процентных ставок на мировом финансовом рынке и ограничение кредитования заемщиков из развивающихся стран привело к удорожанию заимствований для крупнейших российских банков. Это вызвало коллапс российского межбанковского кредитного рынка. Осуществился «перелив» вкладов населения в государственные банки, как более финансово устойчивые.

В монографии на стр. 144 подводится итог модификации конкуренции в банковском секторе России, выражающийся в общей форме траектории ее развития как процесса перемещения к все более монополизированному состоянию, так как более 60 % активов подконтрольны государству, а также имеет спиралевидную форму, представленную на разных уровнях (микроуровень, мезоуровень, макроуровень), отражающую нисходящий характер спиралей (к монополии).

В целом мне представляется, авторы рецензируемой монографии недостаточно использовали теоретические исследования по модификации конкурентной среды в банковском секторе ведущих зарубежных и российских авторов, но представили обзор диссертационных исследований, отражающих современный этап, что, несомненно, является достоинством монографии.

Вывод: в книге «Гордеев В.А., Кладова А.А. Модификация конкуренции в РФ (на примере банковского сектора): Монография / В.А. Гордеев, А.А. Кладова. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2015. – 180 с.» представлены теоретические и практические результаты исследования модификации конкуренции в банковском секторе РФ. Методологическая многовариантность в монографии отражает поиски новой модели экономического развития и теории. Высказанные в тексте рецензии замечания и предложения не отрицают научного интереса к проблемам конкуренции в банковском секторе РФ, а предполагают дальнейшие плодотворные исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Усик Н.И. Антиконтрентный эффект и эффективная экономика в РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>
2. Гордеев В.А. Модификация конкуренции в РФ (на примере банковского сектора): Монография / В.А. Гордеев, А.А. Кладова. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2015. – 180 с.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ: РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ П.С. ЛЕМЕЩЕНКО «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: ТЕОРИЯ, ПОЛИТИКА, ПРАКТИКА»

Мелиховский Виктор Михайлович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»,
кафедра информационных и сетевых технологий
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: melikhovsky@mail.ru

Изучение институциональной экономики за последнее десятилетие становится все более популярным. Соответственно повышается спрос на учебники, в которых не только обобщаются важные явления в экономике, но и формулируются новые направления исследования. За последнее десятилетие в учебной среде имеют хождение не менее десятка учебников, написанных авторами или авторскими коллективами (А.А. Аузан, Д.С. Львов, А.Н. Олейник, Г.П. Литвинцева, М.И. Одинцова, В.Л. Тамбовцев, О.С. Сухарев, Я.И. Кузьминов, М.М. Юдкевич, В.Т. Рязанов и другие). В них обобщен опыт изучения институциональной экономики в ведущих вузах страны. Они имеют много общего, ибо в них дается оценка ведущих понятий, категорий и субъектов институциональных отношений. Вместе с тем каждое пособие специфично и сориентировано на интересы конкретных пользователей. Например, в работе Г.П. Литвинцевой акцент сделан на историю институциональной теории, в учебном пособии под редакцией В.Л. Тамбовцева – на методах институционального анализа, в учебнике под редакцией А.Н. Олейника (2005 г.) – на дискуссионных проблемах при подготовке магистров по институциональному направлению.

В этом ряду не затеряется работа минского ученого П.С. Лемещенко «Институциональная экономика», изданная в 2015 году для студентов и всех интересующихся процессом организации современного управления. В 2005 году он уже издавал учебное пособие по подобной теме. Но за истекшие десять лет появилось много новых тенденций, которые придали известным явлениям новые свойства и обусловили разнонаправленное развитие экономики.

Пособие получилось интересным, творческим и достаточно дискуссионным [1]. В нем дается общая характеристика известных категорий институционализма – норм и правил, трансакций и прав собственности. Выделены субъекты хозяйствования – домохозяйства, фирмы, государство. Но, в отличие от других авторов, П.С. Лемещенко специально выделяет еще один субъект – человек с его потребностями и интересами (глава 3 – модель экономического человека). Нормы в связи с этим рассмотрены как правила рационального поведения человека в экономическом море (глава 4). Это одна из важных особенностей пособия, которая приближает обучение к интересам каждого учащегося. Автор дает оценку имеющимся в литературе взглядам на место и роль человеческого

капитала, показывает новые возможности его развития в связи с совершенствованием институтов управления человеческими ресурсами.

Работа имеет полемический характер. Автор последовательно практически во всех главах – а их насчитывается 20 – сравнивает свои взгляды с теорией неоклассиков, хотя в глоссарии у него не дается оценка этого течения. Но это не только противопоставление, но и стремление выяснить, что общего между ними в оценке норм, трансакций и других сторон экономической деятельности.

В тексте работы автор поясняет, что, по его мнению, ряд признаков характеризует это направление, в том числе:

- разделение проблем на микро-, макро- и мировой уровни, и акцент на микропроцессах,
- отношение к государству как к «черному ящику»,
- использование преимущественно метода анализа – от частного к общему,
- исследование поведения «экономического человека» и его стремления максимизировать доход и минимизировать затраты,
- статичность категорий и процессов, отсутствие оценки развития.

Однако, по моему мнению, автор недостаточно полно оценивает развитие современной неоклассики. В частности, за последние 20 лет новая неоклассическая школа (Р. Лукас, П. Сердженд, Г. Уоллес, Р. Барро) активно исследует роль государства на рынке и отвергает те формы экономической политики, которые ограничивают рыночные отношения. К этой проблематике примыкают исследования современных костромских ученых-институционалистов по теории интересов и их влияния на институциональные связи государства. В учебнике «Институциональная экономика» (2005 г.) А.Н. Олейник дает институциональный анализ государства. Имеется небольшая глава и в данном пособии, но она в три раза меньше по объему, чем блок глав по развитию фирмы. В указанной главе охватываются следующие вопросы:

- особенности институционального анализа государства,
- государство как институт,
- функции государства,
- экономико-правовая типология государства.

Перечень проблем достаточно велик, но по сравнению с главой, написанной А.Н. Олейником, многие вопросы П.С. Лемещенко не поставлены, например, методы эмпирического анализа роли и функций государства и обеспечение «обратной связи» народа и власти. Необходимо выявлять их точки взаимозависимости и рассматривать, сколько и какие нужно иметь институты, чтобы обеспечить оптимальное присутствие государства в экономике, регулировать хозяйство с помощью «ручного управления» и главное – решать острые социальные вопросы. Ведущей важной особенностью книги П.С. Лемещенко является историко-экономический подход к развитию теории. Во всех разделах исследуются взгляды различных представителей науки и дается оценка их возможного использования. Имеется отдельная глава вторая, которая посвящена анализу исследовательской программы Т. Веблена и его книге «Теория праздного класса». Кроме того, в последней, 20-й, главе рассмотрены исторические этапы развития институциональной теории. Конечно, такой подход вполне приемлем. Но при оценке идей Т. Веблена автору пришлось неоднократно возвращаться к современности, что делало неизбежным появление повторов с другими разделами. В параграфе 1.3 также дается история вопроса. Считаю, что выделение в отдельную главу теории Т. Веблена не оправдало себя. Видимо, возможна в дальнейшем корректировка структуры учебного пособия и перенос части первой главы и всей второй главы в раздел истории (глава 20). Это позволит сократить общий объем пособия.

С историческим подходом связан вопрос о методологии исследования. Во введении автор указывает, что для институционализма характерен метод холизма как рассмотрение социально-экономической системы в ее целостном виде и оценке поведения человека с позиций общественных норм [1, с. 23]. К проблеме методологии автор возвращается неоднократно, например, в главе 3 – о соотношении субъективного и объективного. В главе 6 «Идеология и собственность как институты» дается целый набор теорий и методов исследования эффективности государственного сектора [1, с. 165–167]. К ним примыкает материал части главы шестой по вопросу об идеологии и собственности [1, с. 144–154]. В главе 7 «Теория государства» автор выделяет четыре методологических принципа, применяемые неинституционализмом:

- методологический индивидуализм,
- ограниченная рациональность,
- максимизация полезности,
- оппортунистическое поведение [1, с. 180].

Думаю, что все эти подходы надо совместить в одном месте и обозначить его как методологию институционализма. Кроме того, в разделе об идеологии надо отметить, что именно идеологические предпочтения зачастую определяют выбор методов исследования. Тем самым будет лучше обеспечено понимание учащимися процессов развития науки.

Есть еще одна особенность исторического подхода автора рецензируемой книги, который при выборе перечня исследователей традиционно делает акцент на столичных коллективах. Но за последние 20 лет в российских регионах сложились сильные научные коллективы. Один из них имеется на базе Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова – М.И. Скаржинский, В.В. Чекмарев, Н.П. Гибало, Н.Н. Свиридов, А.И. Тяжов и другие, которые вместе со своими аспирантами много лет разрабатывали институциональную теорию. Автор пособия также сотрудничал с ними и издавал в Костроме в 2009 году свои материалы. Но при оценке вклада российских ученых в исследование теории институционализма им места не нашлось. Здесь можно привести и перефразировать известную русскую поговорку: «рыбак – рыбака (в смысле один столичный житель другого столичного жителя) видит издали». Такая неполная характеристика научного сообщества, конечно, сужает возможности выработки более полной картины промежуточных итогов исследования, которые чаще всего производятся именно в разных учебниках.

Одной из ведущих особенностей пособия является акцент на оценке роли фирмы. Ей посвящены главы 12 – 15, то есть примерно 1/3 страниц текста, что составляет 16 процентов объема книги. Автор изучает такие вопросы:

- природа и структура фирмы,
- организационно-правовые формы фирмы,
- экономический анализ размеров фирмы,
- эволюция фирмы и ее институциональное обеспечение.

Такой подход можно приветствовать, но одновременно подчеркнуть, что содержащиеся в главах материалы во многом можно использовать при формировании отдельного раздела об институциональном анализе. Вышло так, что автор во введении предполагал уделить много внимания этому вопросу. На деле же оказалось, что непосредственно он раскрывается в разных главах, но обозначен как глава 17 под названием «Информация. Введение в институциональный анализ». Думаю, что книга выиграет, если в новом издании будет специальный большой раздел о данной весьма актуальной проблеме.

Такой подход можно приветствовать, но одновременно подчеркнуть, что содержащиеся в главах материалы во многом можно использовать при формировании отдельного раздела об институциональном анализе. Вышло так, что автор во введении предполагал уделить много внимания этому вопросу. На деле же оказалось, что непосредственно он раскрывается в разных главах, но обозначен как глава 17 под названием «Информация. Введение в институциональный анализ». Думаю, что книга выиграет, если в новом издании будет специальный большой раздел о данной весьма актуальной проблеме.

Одной из сложных проблем стало отражение институциональной специфики двух стран – России и Беларуси. Перед автором стояла задача – дать сравнительный анализ институциональной среды двух стран по всем параметрам – нормам, организациям, контрактам, собственности. Но в работе имеются пока небольшие материалы по институтам Беларуси. Проблема ждет своего дальнейшего исследования.

Другой не менее сложной проблемой является сочетание в анализе общеизвестных и авторских подходов. Авторство нужно не только для самоутверждения, но и в качестве ориентира для обучающихся: это лишь частное мнение, которое можно усовершенствовать. Поэтому считаю целесообразным указывать авторство рисунков, схем, графиков, что практически не сделано.

Следует отметить, что в пособии много авторских подходов, в которых многие известные положения трактуются по-новому. Назовем некоторые из них:

- рис. 5.1 – условия и результаты институциональных и товарных трансакций,
- табл. 6.1 – общая институциональная система и собственность,
- табл. 10.2 – формы эффективного управления контрактами,
- табл. 15.2 – сравнение некоторых форм организации бизнеса с оценкой их преимуществ и недостатков,
- рис.14.2 – граница между фирмой и рынком в зависимости от издержек и специфики активов,
- табл. 15.1 – оценка организационно-правовых форм бизнеса республики Беларусь,
- табл. 17.1 – матрица о сравнении старых и новых институтов,
- табл. 17.2 – матрица о взаимосвязи формальных и неформальных институтов.

Однако в процессе анализа не всегда достигается полнота и понятность исследования для читателя. Например, при рассмотрении взаимосвязи отношений собственности с организационно-правовыми формами и типами экономик автор выделяет четыре квадранта и типа экономик – восточно-европейский, индустриальный, смешанный и информационный. Но эти типы хозяйства привязаны только к какому-то одному признаку: присвоению или отчуждению. Этого, по моему мнению, недостаточно, ибо не раскрывает специфики типов хозяйства [1, с. 163]. Заметим здесь, что данный рис. 6.4 повторяется уже в виде рис. 14.3 [1, с. 428].

Завершающие главы работы, по моему мнению, не только подводят итог исследования, но и намечают перспективы дальнейших научных разработок. В числе намечаемых направлений можно выделить следующие:

- развитие теории институционального равновесия,
- формирование нового рынка особого товара – «формального института»,
- проектирование новых институтов при переходе от системообразующих институтов к переходным (реформируемым) институтам,

- обеспечение институционального планирования,
- оценка трансформационных ловушек: неожиданное возникновение институциональных «пустот», рассогласование политических, социальных, культурных, технологических подсистем между собой, появление «плановых заблуждений»,
- существование феномена «нелегальной экономики».

Завершает работу глава об истории развития институциональной теории и о ее актуальных проблемах. В ней выделены идеи известных классиков институционализма и предпринята попытка дать оценку современным исследованиям, в том числе следующим:

- конституция экономической политики (Дж. Бьюкенен),
- институциональная структура производства (Р. Коуз),
- функционирование экономики во времени (Д. Норт),
- исследования по теории эволюции и экономическому расчету (М. Алле),
- постсоветский институционализм.

Такие обобщения позволяют читателю более объемно оценить эволюцию развития теории.

Наконец, необходимо остановиться на методическом обеспечении пособия. Оно достигается предложением большого списка литературы, в том числе и указаний на разные сайты, глоссария понятий и терминов, а также перечня вопросов, заданий и тестов по каждой теме. Но нужно указать на одну неудачную особенность предлагаемых вопросов для повторения. Часть из них в пособии не освещается, что требует от читателя дополнительного времени для поиска материала. Однако автор не указывает, где можно найти конкретные данные. Кроме того, автор и рецензенты не определили статус пособия. По моему мнению, оно лучше всего приспособлено к использованию в подготовке бакалавров по экономическим и управленческим направлениям.

Высказанные пожелания являются моими рекомендациями и не отменяют общей положительной оценки пособия. Автор П.С. Лемещенко сумел подготовить интересное и конкурентоспособное учебное пособие, которое можно использовать в процессе обучения и повышения квалификации кадров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лемещенко П.С. Институциональная экономика: теория, политика, практика.: Учебное пособие / П.С. Лемещенко – Мн.: Мисанта, 2015. – 692 с.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ КИСЕЛЕВА А.А. «СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И МЕНЕДЖМЕНТА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ»

Усик Нина Ивановна

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики», кафедра финансового менеджмента и аудита, действительный член Академии философии хозяйства, академик Международной академии холода
г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: nius50@yandex.ru

Монография «Киселев А.А. Современные проблемы управления и менеджмента в отечественной науке и практике» опубликована и представляет, несомненно, интерес в научных кругах¹. Теоретическим исследованиям в области проблем управления посвящено большое количество публикаций за рубежом и в РФ. Автором монографии акцентировано внимание на различное понимание категорий «управление» и «менеджмент» иностранными и отечественными учеными, объясняя это тонкостями перевода с иностранного языка.

Современная экономика все больше характеризуется управленческим тоталитаризмом, по определению Ю.М. Осипова, поэтому актуальность темы исследования не вызывает сомнения. Кроме того, глобализация экономики в новых формах в виде деловых сетей и кластеров (уже не географически ограниченных, а также рассредоточенных по всему миру) требует не адаптации известных моделей управления, а осуществления поиска новых, более эффективных форм.

В п. 1.1 «Основные исторические аспекты развития управленческой науки» показаны этапы управленческих революций и их причины, а также теоретические аспекты различных научных школ. В табл. 1 показан «Вклад основных школ в развитие теории управления», на с. 18 сделан вывод: «приведенный очень краткий обзор основных направлений исследований в области зарубежной теории управления организациями (предприятиями) показывает, что пока еще не существует какой-то общепризнанной теории управления ни за рубежом, ни в России. Более того, наблюдается усиление дифференциации исследований проблем в области управления организациями (предприятиями)». Проводя теоретический анализ развития управленческой науки в СССР [с. 24], автор монографии отмечает начавшийся с 1957 года переход к управлению промышленностью и строительством по территориальному принципу, а с 1965 года в стране были проведены различные реформы, направленные на совершенствование системы управления народным хозяйством: реформа системы управления экономикой (1965 г.); реформа системы управления (1979 г.); ускорение социально-экономического развития (1986 г.) и переход к рыночным отношениям (с 1991 г. и по настоящее время). Следствием этих процессов, по мнению автора монографии, в первую очередь, являлись изменения политической системы управления в стране.

¹ Киселев А.А. Современные проблемы управления и менеджмента в отечественной науке и практике: монография / А.А. Киселев – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2014. – 228 с.

Автор монографии [с. 20] сделал вывод, что к настоящему времени иностранная наука управления организациями (предприятиями) акцентирует внимание на повышении эффективности использования имеющихся в организациях (на предприятиях) ресурсов для достижения конкурентных преимуществ и получения в этих условиях наибольшего экономического результата. Отечественные исследователи стали называть ее менеджментом. В монографии [с. 25] указывается причина заимствования иностранных слов отсутствием научно обоснованных рекомендаций для практики управления отечественными организациями (предприятиями), а «красивым» и не всем понятным словом «менеджмент» были «замаскированы» существующие проблемы в отечественной управленческой науке в новых условиях рыночных отношений.

Термин «управление» в русском языке, по мнению автора монографии, «предполагает, прежде всего, что есть субъект, который управляет, и вместе с тем имеется тот, которым управляют. Первый принято называть органом управления, второй – объектом управления. Это общепризнанный факт в науке управления. Вследствие этого, под управлением необходимо понимать целенаправленное воздействие органа управления на объект управления для решения определенных профессиональных задач. Но чтобы такое воздействие было реализуемо, между органом управления и объектом управления должна быть какая-либо связь, коммуникация. И чем эта связь, коммуникация, эффективнее, тем выше результативность управления» [с. 27].

Автором монографии делается вывод о «сущности понятия «управление»: под системой управления необходимо понимать совокупность иерархически упорядоченных органов управления с присущими им техническими средствами и методами действий; объекты управления; каналы обратной связи, позволяющие органам управления получать информацию о состоянии объектов управления, и каналы прямой связи, обеспечивающие прохождение командной информации до объекта управления в условиях активного воздействия внешней и внутренней среды» [с. 29]. Вместе с тем, делается акцент на то, что «когда исследователи исключают из системы управления объект управления, то можно считать, что они допускают серьезную методологическую ошибку, поскольку такая система без объекта управления функционировать в принципе не может (некем управлять). Вследствие этого можно утверждать, что система управления образует внутреннюю структуру, материальную основу управления. Такой подход к управлению позволит в дальнейшем более четко отличать понятие «управление» от понятия «менеджмент», которое уже прочно вошло в нашу управленческую науку и практику и часто употребляется как синоним управления [с. 30].

Импонирует позиция автора об использовании исследований отечественных ученых и практиков, более соответствующих российской специфике, чем рекомендации зарубежных ученых, особенно из США [с. 32]. На с. 33-34 анализируются процессный, системный и ситуационный – классические научные подходы к исследованию сущности управления и основных его функций. Автор монографии выделяет процессный подход в управлении, как наиболее подходящий к российской действительности [с. 36], обеспечивающий «научное рассмотрение проблем управления в их общей совокупности. В данном случае управление рассматривается как процесс, как деятельность руководителя по получению информации о состоянии объекта управления, принятию по ней управленческого решения и доведению до исполнителей командной информации, обеспечивающей решение конкретной управленческой задачи. Остальные подходы просто дополняют и развивают науку управления, увязывают ее положения с другими науками, такими, как психология, или рассматривают отдельные ситуации, возникающие в управленческой деятельности». Системный и ситуационный подход автор монографии предлагает также рассматривать как развитие процессного подхода. Процессный подход выделяет важнейшие функции управления, что позволяет говорить об управлении как об управленческой деятельности. Таким образом, по мнению автора монографии, результатом управленческой деятельности является управление. Это, несомненно, верный научный вывод, к сожалению, не получивший дальнейшего развития в монографии.

Справедливым является заключение автора о том, что современное «увлечение» разработками американских исследователей влияет даже на понимание отечественными исследователями сущности основных функций управления. А вопрос рассмотрения функций управления является основным в понимании ее научной сущности. При этом именно процессный подход позволяет развивать идеи административной школы управления (А. Файоль) о существовании универсальных функций управления [с. 36].

Под функциями управления в монографии понимаются действия по решению качественно сходных задач, направленных на обеспечение какого-либо важнейшего аспекта управленческой деятельности, которые в своем единстве будут составлять сам процесс управления [с. 37]: организация работ, планирование, мотивация и контроль.

Может быть, на взгляд автора рецензии, следует теоретически обосновать составляющие процесса управления (функции) и понятие управленческой деятельности, если результатом ее является управление (рассмотрение управления как сущности и как явления).

В преамбуле главы второй «Сущность и содержание управления отечественными организациями (предприятиями) в современных условиях» автор четко сформулировал свою теоретическую позицию: «исходя из положения, что целью управленческой деятельности является обеспечение эффективного функционирования различных организационных систем, в отечественной науке управления эта деятельность традиционно рассматривается с позиций процессного подхода» [с. 48]. На взгляд автора рецензии, все-таки, не следует отказываться от теоретических исследований других научных школ.

Рассматривая сущность и содержание управления как профессиональной деятельности (п. 2.1), автор делает вывод на с. 54: «под управлением организацией (предприятием) необходимо понимать деятельность руководителей различного уровня по обеспечению постоянной готовности ее структурных подразделений к решению различных производственных задач в постоянно изменяющихся условиях внешней среды; подготовку всех структурных подразделений к решению новых производственных (профессиональных) задач в условиях ускоряющегося научно-технического прогресса, развития и ужесточения конкурентной борьбы; а также руководство подчиненными структурными подразделениями при решении производственных (профессиональных) задач. Именно в этом и будет проявляться содержание управления организацией (предприятием) в современных условиях», ... «меняется соотношение ролей функций управления». Подробно анализируются источники появления и развитие понятия «стратегическое управление», делая вывод об изменении роли такой функции управления, как планирование: «это разновидность управления как профессиональной деятельности, где наибольшее значение приобретает такой тип планирования, как стратегическое планирование, которое наиболее характерно для рыночной экономики, требующей обеспечения необходимого уровня конкурентоспособности предприятия (организации) в активно изменяющейся внешней среде» [с. 69].

На основании п. 2.2 «Стратегическое управление организациями (предприятиями): сущность, особенности и проблемы» автор монографии делает следующий вывод: «Таким образом, можно утверждать, что стратегического управления как такового, по существу, нет. И какой-то универсальности его стратегической формулы не существует.

Есть необходимость в рыночных условиях хозяйствования организаций (предприятий) осуществлять управление их деятельностью так, чтобы обеспечивать необходимые конкурентные преимущества, определяемые рынком, и возможность дальнейшего развития организаций (предприятий). А это свидетельствует о возрастании в управлении функции планирования, которое связано с решением задач обеспечения конкурентных преимуществ организаций (предприятий) и возможности их дальнейшего развития. А планирование деятельности с позиций, решаемых

организациями (предприятиями) задач по достижению конкурентных преимуществ, позволяющих обеспечивать дальнейшее их прогностическое развитие, можно называть стратегическим планированием. И именно рыночные условия вынуждают предприятия (организации) заниматься стратегическим планированием как средством обеспечения своего развития в условиях рыночной конкуренции» [с. 73]. На взгляд автора рецензии, выделение стратегического планирования правомерно, так как конкурентные преимущества в современных условиях необходимо создавать, поскольку нетехнологические факторы почти использованы, требуются все новые и новые технологии.

Предыдущее противоречие решается в монографии в следующем пункте 2.3 «Сущность стратегического планирования как важнейшей функции управления современными организациями (предприятиями)», где на с. 75 «обеспечение необходимого уровня конкурентоспособности в плановом периоде», а «... основной целью стратегического планирования необходимо считать создание потенциала для выживания предприятий (организаций)». На взгляд рецензента, произошла подмена понятия «конкурентные преимущества» (создание конкурентных преимуществ для достижения конкурентоспособности) понятием «создание потенциала», что требует дополнительного исследования.

Кроме того, указывается на стратегическое планирование и традиционное долгосрочное планирование развития как тип перспективного планирования [с. 78]. Введение дополнительных дефиниций из прошлой отечественной практики планирования вносит диссонанс и требует исследования по данной проблематике. Инерционный подход и неявная экстраполяция (о которых говорится на с. 78) могут не учитывать рисков, существующих в данный момент на рынке. В современной теории управления используются будущие экспертные оценки, а не прошлые достижения (конструирование будущего).

Вывод по п. 2.3 на с. 81 не вполне соответствует его тексту: «под стратегическим планированием необходимо понимать разновидность (тип) перспективного планирования, сущность которого понимается как совокупность управленческих решений по реализации выбранной стратегии развития организаций (предприятий) для получения наибольшего экономического результата (прибыли) в планируемом периоде, связанных с проведением мероприятий по сохранению (укреплению) необходимого уровня конкурентоспособности, в том числе связанных с обеспечением выполнения социально-этических норм и экологической безопасности результатов деятельности (прил. Б)».

В качестве современных проблем управления отечественными организациями (предприятиями) автором монографии выделяются следующие: зарубежные компании ставят в невыгодные рыночные условия российских производителей из-за применения устаревших технологий; вследствие неопределенности развития экономики инвестиции в долгосрочные проекты почти не осуществляются, только при поддержке государства; трудоустройство выпускников ВУЗов по специальности. В проблемах, которые сегодня явно просматриваются в отечественных организациях (на предприятиях), виновата та система управления, которая дает сбои в организации эффективного производства в условиях рынка [с. 84]. По мнению автора монографии, необходимо приспособить российскую систему управления организациями (предприятиями) к реальным условиям современности, изменить устаревшие принципы организации труда, развивать мотивацию сотрудников отечественных организаций (предприятий) с позиций концепций управления персоналом и управления человеческими ресурсами [с. 85]. Вывод на с. 92 вполне очевиден из проведенного анализа: «В настоящее время в России все еще существуют системные проблемы, связанные с управлением отечественными организациями (предприятиями), которые необходимо разрешать на базе современных положений отечественной науки управления, опираясь на ее фундаментальные, базовые научные основы и подходы, с учетом

современных тенденций развития общества. При этом для более четкого осознания существующих в настоящее время проблем в рассматриваемой области необходимы единое научное понимание сущности управления отечественными организациями (предприятиями) и единая отечественная методология его осуществления. И пора не просто вводить в науку и практику управления отечественными организациями (предприятиями) «красивые» и часто непонятные многим людям слова, а действительно формировать современные знания в области управления организациями (предприятиями) с учетом существующих отечественных традиций, опыта и менталитета людей, не забывая, что для обоснования научной терминологии существуют русские слова, термины, понятия».

Нелегкие времена, переживаемые современной отечественной наукой управления, предъявляют серьезные требования к теоретическим и практическим исследованиям. Но, по мнению автора книги, «отечественные исследователи очень легко нашли решение проблем управления отечественными организациями (предприятиями) в новых для них рыночных условиях. Они начали активно переносить в практику деятельности отечественных организаций (предприятий) иностранный опыт. Однако мы понимаем, что управление организациями (предприятиями) – это во многом процесс психологический, связанный с отечественным менталитетом сотрудников и национальными традициями в данной сфере. Без учета этого любой самый хороший для тех условий иностранный опыт может в отечественной практике оказаться даже вредным. И введение новых иностранных терминов и понятий в теорию и практику управления отечественными организациями (предприятиями) без достаточного научного обоснования может привести к «замусориванию» терминологического аппарата отечественной науки управления и замедлит действительно научные исследования в этой сфере» [с. 165].

Автор монографии в третьей главе делает еще некоторые выводы, касающиеся управления персоналом и человеческими ресурсами; управления рисками и риск-менеджмента; управления затратами; управления изменениями; управления качеством; контроллинга в управленческой деятельности; роли управленческого учета; управления финансами или финансового менеджмента. Так, осуществление управленческих воздействий органа управления организации (предприятия) на сотрудников организации по решению проблем как на объект управления в системе управления организацией (предприятием). Но здесь нельзя говорить об управлении качеством, изменениями, рисками, инновациями и др., так как это не имеет научной основы. Причина в том, что сегодня среди основной части исследователей этих проблем выступают профессиональные экономисты, а не профессиональные управленцы. Поэтому в управлении качеством, рисками, инновациями, изменениями и др. отечественными исследователями изучаются по большей части экономические аспекты, а не управленческие. И это логично, так как управлять ими в соответствии с положениями отечественной науки управления нельзя. Но так как наука управления организациями (предприятиями) в данном случае «молчит», они активно используют в терминологии исследований понятие «управление» для выделения значимости данных проблем, уводя, таким образом, причины их возникновения в другую плоскость, в плоскость не экономики, а управления.

Справедливо отмечается парадокс, заключающийся в том, что новые и часто научно не обоснованные понятия изучаются в отечественных вузах «новыми» учебными дисциплинами: управление персоналом, управление рисками, управление изменениями, управление инновациями, управленческий учет, финансовый менеджмент и др. Но чему можно, например, учить студентов вузов по дисциплине «Управленческий учет», если он считается нетрадиционной системой учета и законодательно не определены его основы, формы осуществления и регламентирующие документы, а авторы учебников и учебных пособий все положения управленческого учета трактуют со своих позиций, часто противоречащих друг другу.

Решение этих и других проблем отечественные исследователи «замаскировали» понятием «менеджмент», используя его как научное обоснование всех проблем в управлении отечественными организациями (предприятиями). Однако это свидетельствует лишь о том, что сегодня отечественным исследователям необходимо более четко определиться с сущностью, содержанием и местом понятия «менеджмент» в отечественной науке управления [с. 166].

Четвертая глава монографии исследует место понятия «менеджмент» в отечественной науке и практике управления организациями (предприятиями). Отмечается, что и в отечественной, и в иностранной практике проблемы повышения эффективности работы сотрудников организаций (предприятий) продолжают оставаться актуальными и постоянно изучаются различными исследователями. Так, например, Р. Блейк и Д. Моутон описали двумерную модель руководства, названную ими «управленческая решетка», чтобы показать оптимальное соотношение внимания руководства к производству и к работникам для достижения наилучшего результата профессиональной (производственной) деятельности организаций (предприятий) (прил. Д). При этом подчеркнем, что исследователи называют эту модель «управленческой решеткой», а не «менеджерской решеткой». Данная модель – это не модель менеджмента [с. 169].

В рамках этой модели авторами описаны четыре стиля руководства (управления). Модель управленческой решетки основывается на том, что деятельность руководителя предполагает комбинирование двух фундаментальных составляющих: внимание к производству и внимание к людям. При этом понятие «внимание к производству» авторы трактуют в самом широком смысле. Термин «производство» относится к ведущей деятельности коллектива, которая может оцениваться по объему продаж, качеству предоставляемого оборудования, количеству выдвинутых исследовательских идей или оформленных счетов и т. п. А понятие «внимание к людям» включает в себя поддержание доброжелательного социально-психологического климата в коллективе, привлечение персонала к принятию решений, справедливость в поощрении и оплате труда и т.п.

На с. 183 монографии представлен рис. 19 «Содержание и взаимосвязь управления и менеджмента как научных категорий», где отображается позиция автора. Содержание менеджмента автор монографии связывает с эффективным использованием и координацией всех ресурсов организации (предприятия). В данном случае объектом менеджмента четко прописываются ресурсы организации (предприятия). Вследствие этого можно считать, что объектом менеджмента, в отличие от управления, в отечественной науке управления организациями (предприятиями), выступают не сотрудники организации (предприятия) как исполнители управленческих решений, а ресурсы организации (предприятия), от которых зависит успешность ее деятельности особенно в условиях рыночной конкуренции: материальные, финансовые, технологические и др., в том числе и персонал организаций (предприятий). Но такими ресурсами, как материальные, финансовые, технологические и др., нельзя руководить, ими можно только распоряжаться, обеспечивая их сохранность, оптимальное с позиций интересов деятельности организации (предприятия) распределение и эффективное использование для достижения профессиональных (производственных) целей. Это можно отнести и к персоналу организаций (предприятий), так как в данном случае меняются отношение и подходы к работникам как к ключевому ресурсу по обеспечению необходимого уровня конкурентоспособности организаций (предприятий) в условиях рыночной конкуренции.

Рассматриваемая монография, по нашему мнению, может представлять интерес, во-первых, для исследователей проблем управления и менеджмента в отечественной науке и практике; во-вторых, для докторантов и аспирантов, профессорско-преподавательскому составу, студентам, магистранам ВУЗов по дисциплинам направления 38.04.02 «Менеджмент», 27.04.02 «Управление качеством» и др. В целом, на наш взгляд, рецензируемая монография А.А. Киселева «Современные проблемы управления и менеджмента в отечественной науке и практике» посвящена актуальной теме, имеет научную новизну и практическую значимость.

ОЧЕРКИ ПРОФЕССОРА Ф.Н. ЗАВЬЯЛОВА – СВОЕВРЕМЕННАЯ И ВЗВЕШЕННАЯ ОЦЕНКА ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СТАТИСТИКИ В РОССИИ

Пeftиев Владимир Ильич

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», кафедра экономической теории и менеджмента
г. Ярославль, Россия. E-mail: keu08@yandex.ru

Задача историка (а каждый ответственный ученый не может не быть историком своей науки) – находить и воскрешать забытые имена. Эта благородная миссия вдохновила Федора Николаевича Завьялова, профессора кафедры мировой экономики и статистики ЯрГУ им. П.Г. Демидова на поиски материалов по истории дореволюционной статистики в России, еще не вовлеченных в научный оборот и неизвестных для сообщества экономистов и гуманитариев. В нашем отклике на книгу проф. Ф.Н. Завьялова будет превалировать не изложение содержания каждого очерка (а их 8), а внимание к новизне алгоритма исследования и взвешенности выводов, оценок, гипотез. Фиксируем эти новации с краткими комментариями.

1. Статистики как отдельная социальная группа интеллигенции в России. Профессия статистика предполагает а) кропотливую работу по оценке текущего состояния экономики (в первую очередь сельского хозяйства) и общества и б) непосредственное общение с населением, в местах его проживания, в привычной для него обстановке при проведении подворных исследований [1, с. 7]. Состав статистиков отличался демократизмом социального происхождения: дети чиновников и земских служащих, мещан и духовенства, крестьян и даже дворян [1, с. 18]. Большинство статистиков имели высшее (законченное и незаконченное) и среднее образование [1, с. 13]. Преобладала молодежь как наиболее совестливая и отзывчивая часть интеллигенции [1, с. 8, 12]. Острая потребность во временных сотрудниках вынудила власти привлекать в статистические службы неблагонадежных и поднадзорных лиц (студенты, семинаристы, гимназисты, учителя) [1, с. 9]. По жалованью статистики занимали второе место после врачей (от 1000 до 1200 рублей в год) [1, с. 8]. Идеологические взгляды статистиков и счетчиков – это растекание по течениям: сначала народничество, затем легальный марксизм и к рубежу XIX–XX вв. и революции 1905–1907 гг. – социал-демократия [1, с. 19–20].

Исходный тезис очерка 1 в общем и целом обоснован и адекватен реалиям тогдашней России. Хотелось бы видеть в тексте хотя бы краткое введение к определению интеллигенции. Ведь об этом феномене издавна спорят экономисты и историки, социологи и культурологи.

2. Статистики и социал-демократия. Основной корпус книги (очерки 2–7) посвящен участию статистиков в социал-демократическом движении. Именно эта тематика раскрыта в лицах, событиях, фактах. Автор очерков подспудно, без хвалы и хулы восстанавливает историческую

справедливость в отношении радикального течения в политике – российской социал-демократии (от съездов РСДРП до революции 1905–1907 гг.).

Что импонирует в огромном массиве информации (в том числе новой или малоизвестной) и дает повод для плодотворных размышлений?

Имена, имена и еще раз имена. Из столиц и провинции. Всех назвать трудно. Книгу надо читать и перечитывать. Имеются ссылки и на публикации ярославских ученых [1, с. 37–39].

Историография темы «статистики и социал-демократия» опирается на сведения из периодики тех лет (газета «Искра», журналы «Русское богатство», «Вестник Европы», «Живописное обозрение»), а также из монографий по земству.

Изюминка книги – это жизнеописание Сергея Александровича Суворова (1869–1918), статистика, философа, литератора (очерк 6). Здесь много заявок на сюжеты, требующие углубленных изысканий. Аграрная программа С.А. Суворова на IV съезде РСДРП [1, с. 106–112]. Участие вместе со Скворцовым-Степановым в переводе 1–3 томов «Капитала» [1, с. 113]. Исследование факторов, влияющих на изменение производительных сил человека [1, с. 115]. Автор монографии «Основы философии жизни» (СПб, 1905) – городской глава Ярославля [1, с. 119–121].

Петр Петрович Румянцев (1870–1925). Очерк 7. Самобытная фигура в российской социал-демократии со своей аграрной программой [1, с. 125–129]. Активный разработчик комбинационных таблиц в аграрной статистике [с. 137–146]. Главный редактор журнала «Вестник жизни», печатного органа большевиков, автор двух брошюр (1906). [1, с. 147–151].

3. Размышления о статистическом наследии В.И. Ленина. Советская лениниана отрывала вклад В.И. Ленина в статистику от его предшественников, от достижений земской статистики, первых марксистов [1, с. 157, 160]. В.И. Ленин использует статистические данные как убедительный аргумент для подтверждения своих *политических* (курсив Ф.З.) взглядов и убеждений. Он часто отвергает или не использует те цифры, которые этому противоречат [1, с. 161]. Пристрастное отношение В.И. Ленина к оппонентам, даже среди большевиков. Особенно доставалось тем, кто после поражения революции 1905–1907 гг. отошел от политической борьбы и стал заниматься статистикой [1, с. 161–162]. Прослежены основные вехи эволюции статистических исследований В.И. Ленина, от первых статей (в том числе и для журнала «Русская мысль») [1, с. 163] и до книги «Развитие капитализма в России» [1, с. 165]. Ф.Н. Завьялов возражает против отрицания значения ленинских работ по аграрной экономике и статистике [1, с. 167]. Неоднозначно и во многом упрощенно В.И. Ленин относился к мелкому, трудовому крестьянскому хозяйству [1, с. 177–182]. В эмиграции В.И. Ленин широко использовал статистические данные разных стран для доказательства своих положений [1, с. 182]. Прослежена позиция В.И. Ленина по вопросу объединения трех ветвей статистики: государственной, ведомственной и земской [1, с. 186–190]. Ни один из руководителей Советского государства, кроме В.И. Ленина, так глубоко не знал и всесторонне не использовал статистические данные в своих работах [1, с. 194].

Подтверждаю этот фундаментальный вывод содержательного исследования проф. Ф.Н. Завьялова ссылкой на Роберта Пейна, автора биографии В.И. Ленина: «Но настоящей его страстью, можно сказать пожизненной, была статистика. Он очень любил голые цифры, их скупую конкретность, – недаром он завещал коммунистической партии свято чтить статистику...».

Проф. Ф.Н. Завьялов находится на творческом подъеме, к нему пришла «вторая молодость». Коллеги приветствуют его статьи в журнале «Экономист» (№3 и 5 за 2015 г.) об асимметриях общественного воспроизводства в России за 2005–20012 гг. Пожелаем ему успешного продолжения поисков и неординарных открытий в проблемных полях экономики и статистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Завьялов Ф.Н. Очерки по участию статистиков в социал-демократическом движении в России в конце XIX-начале XX веков / Ф.Н. Завьялов – Иваново: Научная мысль, 2015. – 196 с.

ЮБИЛЕЙ – ДЕЛО ЖИТЕЙСКОЕ!

(К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА У.Ж. АЛИЕВА)

Чекмарев Василий Владимирович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова»
заведующий кафедрой экономики, действительный член Академии философии хозяйства и
Философско-экономического ученого собрания, заслуженный деятель науки РФ
г. Кострома, Российская Федерация. E-mail: tcheckmar@ksu.edu.ru

*Не беспокойся о том,
что тебя не знают.
Беспокойся о том,
достойн ли ты того,
чтобы тебя знали.
Конфуций*

1 января 2016 года Ураку Жолмурзаевичу Алиеву, по паспорту, исполняется 70 лет. Возраст почтенный, и пожелать, при его достижении мужчиной в России и Казахстане, можно лишь крепкого здоровья, неослабевающей ясности ума и любви близких. Вероятно, к таким летам человеку становится не очень важным то, что раззадоривало в юношеском возрасте – тщеславие, соперничество с коллегами, общественное признание и тому подобное. В этом отношении жизненный путь Алиева каноничен – от трепетной юности через безбашенную середину лет к спокойной мудрости седых лет. В наше время такие биографии редкость.

Профессор Алиев очень точно описал процесс западной ментальной экспансии с помощью учебников «Экономикс». Бескровно и бесшумно осуществляются в сознании людей идеи индивидуализма, перекодировка коллективизма в экономическом мышлении, замена соревновательности жесткой рыночной конкуренцией. Становясь на эти псевдорыночные принципы, люди, незаметно для себя, теряют самость и становятся объектами всевозможных социальных и культурных манипуляций, манкуртами. Пройдя соблазн экономикс, Урак Алиев со своей теоретической экономикой поднялся на какую-то высокую духовную ступень. Куда многие рвутся, но не многие доходят. Эти многие... Одни сожгли себя, сделав преступно мало, другие разменяли творческое горение на материальные блага и начальственные должности, третьи потеряли себя, но не обрели веру в Создателя. А профессор Алиев выстоял. Как? Почему?

Точного ответа у меня нет, но какие-то важные вещи, отчасти объясняющие цельность натуры Урака, я чувствую. И все эти компоненты восходят к императивам, известным человечеству тысячи лет. Полагаю, что Урак меряет себя именно по ним. Он может быть горяч, может быть холоден, но душевной вялости в нем нет. Урак – человек неравнодушный. Думаю, что Урак верно понимает своё предназначение. Ни разу он не поддался соблазну усесться в чужие сани, стать депутатом или, прости Господи, предпринимателем. В экономической науке он не модернист и не декадент. Парадоксальным образом эта приверженность профессионализму и университетским традициям дает ему колоссальную творческую свободу и крупность калибра, которых напрочь лишено
Журнал «Теоретическая экономика» №6, 2015

большинство так называемых «докторов наук» – авангардистов. Говоря о своих научных идеях в области теоретической экономики, он обычно произносит «скучную» фразу: теоретическая экономика дает надежду, что когда-нибудь разрозненные и зачастую противоречивые экономические теории будут (по мере развития и проверки временем) являть собой единую фундаментальную науку, иначе экономические изыскания бессмысленны.

Ураку давно стало ясно, что порождаемые фактической социальной утилизацией сотен тысяч «не вписавшиеся в рынок» (по крылатому выражению либералов) недовольство и протест создадут политические проблемы.

Урак весьма часто принимает участие в научных конференциях, проводимых в Москве, Санкт-Петербурге, Костроме, Ярославле и других научных центрах. Эти поездки занимают по несколько дней. Казалось бы, есть Интернет, журналы, скайп. Однако Алиев понимает, что журнальных статей для успешной работы недостаточно. Необходимо видеть своих коллег, говорить с ними, слушать их.

Перед тем, как доверить свои идеи бумаге, исследователи должны обменяться ощущениями и выслушать друг друга. Именно в общении зачастую возникают «вспышки молнии» – озарения-фульгурации. И только в процессе общения возникает понимание.

Не знаю, верит ли Урак в Создателя, но то, что Создатель верит в Урака, как и все мы, его друзья, я знаю наверняка.

Урак – маэстро жизни. Безукоризненно добрый. Любящий жизнь и людей. Любовь обрела в его сердце дом.

Урак Жолмурзаевич высок духом и глубок умом, широк в поступках и талантах, излучатель тепла. Все наши ошибки и прегрешения, все неточности поведения он, понимая, принимает. У Урака нет органа, который бы ведал претензиями, обидами и обвинениями. Алиев – это ученый, который много сделал для экономической науки, не совершая при этом никаких подвигов. Его присутствия достаточно для того, чтобы мы чувствовали себя порой немного неловко. Урак – человек веселый. Он замечательно смеется. Над тобой, над собой, над ситуацией. От серьезного тона не остается ничего, когда он начинает убедительно объяснять, что ты не прав или он прав, потому что в конце он начинает смеяться.

Я знаю, как надо жить, а Урак Алиев живет, как надо.

К ряду известных «экономистов» относится без сострадания, не вычлняя их из среды, которая их породила и потребляет.

Алиев – замечательный ученик Создателя. По предмету «жизнь» у Урака круглая пятерка с плюсом. Рядом с ним – спокойно и надежно.

Многие работы профессора Алиева являются приоритетными. Будучи блестящим экономистом-теоретиком, глубоко эрудированным ученым, У.Ж. Алиев стал основателем новых направлений в экономической науке. О его «космической экономике» как становящейся научной и учебной дисциплине можно написать целый трактат. Но главное в его исканиях, которые представляют собой (на мой взгляд) опыт синтеза естественнонаучного и социально-гуманитарного знания, – человек как творческая личность. При этом место человека в экономике Алиевым определяется не по объектным, а по проблемным и методологическим основаниям. Можно выделить несколько типов ученых-экономистов. Вклад большинства из них в науку измеряется содержанием их работ. Немногим удастся успешно сочетать научное творчество и организационную деятельность в науке на благо ее дальнейшего развития, ради практической реализации творческих замыслов и программ. Но лишь единицы становятся основателями научных направлений, оставаясь при этом действующими учеными и организаторами науки.

Эти ученые, чувствуя и выявляя тенденции и перспективы развития науки, ориентируют тем самым деятельность научного сообщества и создают социокультурную среду, готовую воспринимать новые идеи. Для адекватного понимания их деятельности требуется определенная временная дистанция («большое видится на расстоянии») и должный интеллектуально-нравственный уровень. Урак Жолмурзаевич Алиев, несомненно, принадлежит к этому типу ученых.

Феномен Алиева-экономиста во многом определяется его личностными качествами и заключается в способности фундаментально разрабатывать изучаемые проблемы. Напряженным и систематическим интеллектуальным трудом Алиев развил у себя высокую методологическую культуру. При решении научных проблем Алиев мыслит диалектически. Наверное, и поэтому он – действительный член Академии Философии хозяйства.

Урака Жолмурзаевича отличают широта и терпимость к иному мнению и, одновременно, неуступчивость и принципиальность в том, что он считает нравственно приоритетным. Профессора Алиева можно было бы назвать Аристотелем на Востоке и на Западе, но знакомые коллеги из Польши зовут его «Пан Скромность». И это при том, что Урак – личность с вулканическим темпераментом. О таких людях В. Бушин писал:

*«Разрешите доложить
Коротко и просто,
Я большой охотник жить
Лет до девяноста».*

*Так писал большой поэт
Александр Твардовский,
Но еще щедрей завет
Оставил Маяковский.*

*Он считал, что надо жить
Лет до ста без старости,
Не болеть, и не тужить,
И не знать усталости.*

*Так давай же, старый друг,
Жить вторым заветом,
И жену, и всех вокруг
Радуя при этом.*

*Хоть и старше мы с тобой
Даже Льва Толстого,
Но куда деваться – бой!
И в бою мы снова*

Умный и чуткий Урак Жолмурзаевич не отличается злободневностью. Но он и не фанат-футурист. Развивая идею теоретической экономики, осуществляя целостный субъектно-объектный анализ науки, профессор Алиев вторгся в пространство вопросов, специально не поставленных и не исследованных. И можно только сожалеть о том, что патентов на экономические идеи не выдают...

Есть определенные категории, которые невозможно юридизировать (институционализировать), но можно юрордизировать. Например, патриотизм. Иногда под патриотизмом понимается любовь к родине и ненависть к инородцам (вплоть до – «понаехали тут...»). Но патриотизм – это любовь правительства (олицетворяющего государство) к людям, населяющим страну. Именно правительство, не способное осуществлять повышение качества жизни, – непатриотично. Профессор У.Ж. Алиев в рассуждениях о патриотизме придерживается китайских пословиц. Одна из них гласит: «Опыт – это расческа, которую мы получаем после того, как облысели». А другая звучит так: «Что запирать двери, когда вор ушел». И смысл их применения для понимания жизни Алиев трактует с помощью фразы, согласно которой социальные диагнозы без социума не ставятся. При этом он не опирается на свой личный опыт жизни, не хочет использовать свою судьбу как повод для обобщений, считая это занятие малопочтенным. Но нельзя не увидеть символизма биографии Урака, высказанного Аркадием Зиминым в стихотворной форме:

*Все чаще вспоминаются ровесники,
Ушедшие с земли давным-давно,
Во тьму заторопившиеся вестники,
Гонцы от поколенья моего.
Ах, как вы жили, трепачи и лабухи!
В глазах горел лукавой мысли свет.
Я помню споры, озаренья, запахи
Дешевого вина и сигарет.
Веселые, хмельные, разноликие,
Крушили вы рутину и совок.
Какие были замыслы великие!
Но этот не успел, а тот не смог...
Когда за мной задернут вечный занавес,
(На всякий случай душу сохраняя), –
Я и во тьме, друзья, легко узнаю вас. А вы меня?*

Я дружу с Ураком достаточно давно. Но замечаю, что внешне он не меняется. Видимо, у него роман со временем. А может, и потому, что спать может подолгу. А ведь возраст, меняющий нашу внешность – это бессонница. Но, может быть, все и не так. Может, дело лишь в том, что он пользуется бальзамом с названием «не надо серьезно к себе относиться». Но факт – на лице.

Урак – участник великого заговора гуманистов – людей, несущих в себе общечеловеческие лучшие черты. И лучшие национальные черты своего народа. С ним искристо.

Урак обладает еще одним дарованием: люди поворачиваются к нему своими лучшими сторонами. Не хочу сказать, что становятся лучше, – мы все такие, какие мы есть, – но рядом с ним

люди ведут себя выше своих возможностей, активизируются, подпитываются его мощной энергией. Он умеет в людях индуцировать добро.

Как-то я спросил Урака: «Вот ты развиваешь положения теоретической экономики, и не бросаешь свои исследования даже после жесткой критики, в том числе и после моих дискуссионных высказываний. Почему?». Урак ответил: «Надо верить в то, что делаешь. Будущее изнурительно маняще, угнетающе обольстительно, оно вымысел, но реально. И сверх всего – уводит от приземленности каждого дня, уже реализовавшегося».

И с Ураком трудно не согласиться. Ведь разговоры о будущем всегда фантастичны. Потому, кстати сказать, на них особенно любят строить чертоги практического обмана и соборы лжепророчеств. «Вы мне сейчас товар, я завтра Вам деньги». «В две тыщи горбатым году земная ось треснет, в живых останется людей хорошо если на полтрамвая, причем неграмотных». Завтрашнее ли оно завтра, наступит ли вообще, по какому летоисчислению ожидать эсхатологического года, покажет ход вещей. А по ходу вещей форс-мажоры возникают чаще, чем не возникают, и, как правило, не в нашу пользу. Сверялась ли гадалка с Нострадамусом или дубина дубиной, оправдалось в редчайшем случае ее обещание или, как обычно, промах, – это к моменту наступления будущего теряет остроту. Всем свидетелям той давней минуты, когда мнения о нем схлестывались, по прошествии времени плевать на результат. «Я была права» так же неинтересно, как «промазала».

И все же нельзя не вспомнить Генриха Гейне: «Карлик, ставший на плечи великана, видит дальше великана. Но в нем нет биения гигантского сердца!»

Но уж если о фантастике как о добром юморе будущего, то вспоминается, как мы с Ураком писали трактат «Драконоведение или Тигр в клеточку». Девиз этого трактата: «История стрижки народных масс – врать только правду». Писали мы с ним и «Общую теорию женщин». В этом трактате были такие части как:

1. Теория блондинок;
2. Теория брюнеток;
3. Теория шатенок;
4. Само-свал;
5. В пожизненном заключении.

Урак! Вспомни этот опус и улыбнись! И еще вспомни стихи Николая Савосина:

*Душа бессмертна – по ученью Будды –
И перейдет к орлу иль червяку...
Не важно то, кем после смерти буду, –
Кем оставался на своем веку.
Но страхи мне, скудельному сосуду,
Которого могли смолоть в муку,
Нередко диктовали быть верблюдом,
Быть червяком... Дух вел свою строку:
Я человек! И, страх превозмогая,*

Обрел терпенье, поднимаясь ввысь.

Душа и тело навсегда слились.

Бессмертна ли душа моя, не знаю.

Ей оболочка не нужна иная,

Её одна моя питает жизнь.

P.S.

Наступает две тысячи невятьсот шестнадцатый год. Нет, я не ошибся, написав «невятьсот». И дело в том, что моему большому другу Ураку Жолмурзаевичу Алиеву – семьдесят! Но разве кто-нибудь осмелится глядя на танцующего Урака сказать, что он – юбиляр? Поэтому хоть и юбиляр, но год на дворе – невятьсотый!

А ты – это и есть ты!